Ночь нежна

Автор:
Френсис Фицджеральд

Ночь нежна

Фрэнсис Скотт Кэй Фицджеральд

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Ночь нежна» – во многом автобиографичный роман, который сам Фицджеральд называл своим любимым произведением, а многие критики оценили выше «Великого Гэтсби».

Этот роман – история непростых взаимоотношений юной американской актрисы Розмари, молодого талантливого врача-психиатра Дика Дайвера и его жены Николь, чья болезнь – драма самого Фицджеральда (его жена Зельда страдала шизофренией).

Это роман о любви, страсти, желании сохранить брак, отчаянии и самообмане, в котором за судьбой отдельных героев просматривается облик целой эпохи.

Френсис Фицджеральд

Ночь нежна

Francis Scott Fitzgerald

TENDER IS THE NIGHT

© Перевод. И.Я. Доронина, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

И вот уже мы рядом. Ночь нежна.

Как здесь темно!

…И тот лишь свет, что в силах просочиться

Сквозь ставни леса и засовы сна.

Джон Китс. «Ода соловью»[1 - Перевод А. Грибанова. – Здесь и далее примеч. пер.]

Джералду и Саре с пожеланием многих праздников

Книга первая

I

В чу?дном месте на берегу Французской Ривьеры, примерно на полпути между Марселем и итальянской границей, стоит горделивое, розового цвета здание отеля. Пальмы почтительно заслоняют от зноя его фасад, перед которым ослепительно сверкает на солнце короткая полоска пляжа. Впоследствии этот отель стал модным летним курортом для избранной публики, а тогда, десять лет назад, он почти опустевал, после того как в апреле его покидали постояльцы-англичане. Теперь он оброс гроздьями коттеджей, но во времена, на которые приходится начало этой истории, между принадлежавшим некоему Госсу отелем для иностранцев – «Отель дез Этранже» и расположенным в пяти милях от него

Канном посреди сплошного соснового леса словно водяные лилии на пруду проглядывали тут и там макушки дюжины чахнувших старых вилл.

Отель и ярко отливавший бронзой молельный коврик пляжа составляли единое целое. Ранним утром дальний абрис Канна, розово-кремовые стены старых крепостей и лиловые Альпы, окаймляющие итальянский берег, отражаясь в воде, подрагивали на морской ряби, которую колыхание водорослей посылало на поверхность прозрачного мелководья. Ближе к восьми часам мужчина в синем купальном халате спускался на пляж и после долгих предварительных обтираний холодной водой, которые сопровождались кряканьем и громким сопением, с минуту барахтался в море. После его ухода пляж и бухта еще около часа оставались безлюдными. На горизонте с востока на запад тянулись торговые суда; во дворе отеля перекрикивались мальчики-посыльные; на соснах высыхала роса. Еще час спустя звуки автомобильных клаксонов начинали доноситься с извилистой дороги, бежавшей вдоль невысокого массива Маврских гор, отделяющего побережье от собственно французского Прованса.

В миле от моря, там, где сосны уступали место пыльным тополям, располагалась уединенная железнодорожная станция, откуда июньским утром 1925 года автомобиль «Виктория» вез в отель Госса даму с дочерью. Лицо матери еще хранило увядающую миловидность, его выражение было одновременно безмятежным и доброжелательно внимательным. Однако всякий тут же перевел бы взгляд на дочь: необъяснимая притягательность таилась в ее нежно-розовых ладонях и щеках, на которых играл трогательный румянец, какой бывает у детей после вечернего купания. Чистый лоб изящно закруглялся к линии волос, обрамлявших его наподобие геральдического шлема и рассыпа?вшихся волнами светло-золотистых локонов и завитушек. Яркие, большие, ясные глаза влажно блестели, а цвет лица был естественным – сильное молодое сердце исправно гнало кровь к поверхности кожи. Тело девушки застыло в хрупком равновесии на последнем рубеже детства, которое почти закончилось – ей было без малого восемнадцать, – но роса на бутоне еще не высохла.

Когда внизу, под ними, обозначилась тонкая знойная линия горизонта, соединявшего небо и море, мать сказала:

– Что-то мне подсказывает, что нам здесь не понравится.

– В любом случае я хочу домой, – ответила девушка.

Мать и дочь разговаривали беззаботно, но было очевидно, что они не знают, куда податься дальше, и это их томит, поскольку ехать куда глаза глядят все же не хотелось. Они жаждали волнующих впечатлений, но не потому, что нуждались во взбадривании истощенных нервов, скорее они напоминали завоевавших приз школьников, уверенных, что заслужили веселые каникулы.

– Поживем здесь дня три, а потом – домой. Я сейчас же закажу билеты на пароход.

С администратором в отеле разговаривала девушка, ее французский изобиловал идиоматическими оборотами, но был слишком гладок, как любой хорошо заученный язык. Когда они устроились на нижнем этаже, в номере с высокими французскими окнами, через которые лились потоки света, она открыла одно из них и, спустившись по ступенькам, шагнула на каменную веранду, опоясывавшую все здание. У нее была походка балерины, она не переносила тяжесть тела с одного бедра на другое, а словно бы несла ее на пояснице. Горячий свет вмиг сжал ее тень, и девушка попятилась – глазам было больно смотреть. Впереди, ярдах в пятидесяти, Средиземное море миг за мигом уступало жестокому светилу свою синеву; под балюстрадой на подъездной аллее жарился на солнце выцветший «бьюик».

В сущности, на всем побережье лишь этот пляж оживляло человеческое присутствие. Три британские няни вплетали устаревшие узоры викторианской Англии – сороковых, шестидесятых и восьмидесятых годов – в свитера и носки, которые они вязали под жужжание пересудов, однообразное, как литании; ближе к воде под полосатыми пляжными зонтами расселось человек десять-двенадцать, такая же немногочисленная стайка детей гонялась на мелководье за непугаными рыбками, несколько ребятишек, блестя натертыми кокосовым маслом телами, голышом загорали на солнце.

Как только Розмари вступила на пляж, мальчик лет двенадцати пронесся мимо нее и, торжествующе вопя, с разбега плюхнулся в море. Испытывая неловкость под пристальными взглядами незнакомых людей, она сбросила купальный халат и тоже вошла в воду. Несколько ярдов она проплыла, опустив лицо в воду, но обнаружила, что у берега слишком мелко, и, встав на дно, побрела вперед, с трудом преодолевая сопротивление воды стройными ногами. Зайдя выше пояса, оглянулась: стоя на берегу, лысый мужчина в купальном трико, с обнаженной волосатой грудью и пупком-воронкой, из которой тоже торчал пучок волос, внимательно наблюдал за ней в монокль. Встретившись взглядом с Розмари, он

отпустил монокль, тут же скрывшийся в волосяных дебрях его груди, и налил в бокал что-то из бутылки, которую держал в руке.

Окунув голову, Розмари поплыла рубящим четырехударным кролем к плотику. Вода объяла ее, ласково укрыв от жары, просочилась сквозь волосы и проникла во все складки тела. Розмари обнимала ее, ввинчивалась в нее, качалась на ней в ритм волнам. Доплыв до плотика, она порядком запыхалась, но с плотика на нее смотрела загорелая дама с ослепительно белыми зубами, и, внезапно осознав неуместную бледность собственного тела, Розмари перевернулась на спину и, отдавшись течению, заскользила к берегу. Когда она вышла из воды, волосатый мужчина с бутылкой заговорил с ней:

– Хочу предупредить: там, за рифами, водятся акулы. – Национальность мужчины определить было трудно, но в его английском явно слышался протяжный оксфордский акцент. – Вчера в Гольф-Жуане они слопали двух британских моряков.

– Боже праведный! – воскликнула Розмари.

– Они подплывают к кораблям за отбросами, – пояснил мужчина.

Бесстрастность его взгляда, видимо, должна была свидетельствовать, что он всего лишь хотел предостеречь новенькую; отойдя на два коротких шажка, он снова наполнил бокал.

Не без приятности смутившись, поскольку этот разговор привлек к ней некоторое внимание окружающих, Розмари огляделась в поисках места, где можно было бы приземлиться. Каждое семейство явно считало лоскуток пляжа непосредственно вокруг зонта своим владением; однако отдыхающие постоянно переговаривались, ходили друг к другу в гости, и между ними царила свойская атмосфера, вторгнуться в которую было бы проявлением бесцеремонности. Подальше от воды, там, где пляж был покрыт галькой и засохшими водорослями, собралась компания таких же бледнокожих, как она сама. Они укрывались не под огромными пляжными, а под маленькими ручными зонтами и, очевидно, не были здесь аборигенами. Розмари отыскала местечко между теми и другими, расстелила на песке халат и улеглась на него.

Поначалу она слышала только слитный гул голосов, чувствовала, когда рядом, обходя ее, шаркали чьи-то ноги и тень на мгновение заслоняла от нее солнце. В какой-то момент горячее нервное дыхание любопытной собаки пахну?ло ей в шею. Она ощущала, как от жары начинает пощипывать кожу, тихие вздохи обессилевших на исходе волн баюкали ее. Но вскоре она стала различать смысл речей и узнала, что некто Норт, которого пренебрежительно именовали «этим типом», накануне вечером похитил официанта в каннском кафе, чтобы распилить его надвое. Рассказчицей была седая дама в парадном туалете, видимо, не успевшая переодеться с предыдущего вечера: на голове у нее красовалась диадема, а с плеча свешивалась увядшая орхидея. Почувствовав смутную неприязнь к даме и всей ее компании, Розмари отвернулась от них.

С этой стороны ее ближайшей соседкой оказалась молодая женщина, лежавшая под крышей из нескольких зонтов и выписывавшая что-то из открытой перед ней на песке книги. Она спустила с плеч бретельки купального костюма, обнажив спину, медно-коричневый загар которой оттеняла сиявшая на солнце нитка кремового жемчуга. В красивом лице женщины угадывались одновременно жесткость и жалобность. Она встретилась глазами с Розмари, но не видела ее. За ней сидел статный мужчина в жокейском кепи и красном полосатом трико; дальше – женщина, которую Розмари видела на плотике, эта в отличие от первой ответила на ее взгляд; еще дальше – мужчина с вытянутым лицом и золотистой львиной шевелюрой, он был в синем трико, без головного убора и вел какую-то серьезную беседу с молодым человеком определенно романского происхождения в черном трико, при этом оба просеивали сквозь пальцы песок, выбирая из него кусочки водорослей. Розмари решила, что большинство этих людей – американцы, но что-то отличало их от тех американцев, с которыми ей доводилось общаться в последнее время.

Понаблюдав за компанией, она догадалась, что мужчина в жокейском кепи дает небольшое представление; он с мрачным видом ходил вокруг с граблями, делая вид, что сгребает гальку, а между тем, сохраняя невозмутимо серьезное выражение лица, явно разыгрывал некий понятный лишь посвященным бурлеск. Несоответствие было настолько уморительным, что в конце концов уже каждая его фраза вызывала бурные взрывы хохота. Даже те, кто, как она сама, находились слишком далеко, чтобы слышать, что он говорит, стали настраивать на него антенны внимания, пока единственным на всем пляже не вовлеченным в игру человеком не осталась молодая женщина с ниткой жемчуга на шее. Вероятно, скромность обладательницы заставляла ее с каждым новым залпом веселья лишь ниже склоняться над своими заметками.

Внезапно словно бы с неба над головой Розмари раздался голос человека с моноклем и бутылкой:

– А вы отличная пловчиха.

Розмари попыталась возразить.

– Нет, правда, просто великолепная. Моя фамилия Кэмпьон. Среди нас есть дама, которая говорит, что видела вас на прошлой неделе в Сорренто, знает, кто вы, и была бы очень рада с вами познакомиться.

Скрывая досаду, Розмари оглянулась и заметила, что незагорелая компания выжидательно наблюдает. Она нехотя встала и пошла за Кэмпьоном.

– Миссис Эбрамс… Миссис Маккиско… Мистер Маккиско… Мистер Дамфри…

– А мы знаем, кто вы, – не удержалась дама в вечернем туалете. – Вы Розмари Хойт, я узнала вас по Сорренто, и портье подтвердил; мы все в восторге от вас и хотели бы спросить, почему вы не возвращаетесь в Америку, чтобы сняться еще в каком-нибудь замечательном фильме.

Несколько человек жестами пригласили ее сесть рядом. Дама, которая узнала Розмари, несмотря на фамилию, не была еврейкой. Она являла собой образчик тех «бодрых старушек», которые хорошо сохраняются и плавно перетекают в следующее поколение благодаря своей непробиваемости и отличному пищеварению.

– Мы хотели предупредить вас, что в первый день ничего не стоит незаметно для себя обгореть, – продолжала весело щебетать дама, – а вы должны заботиться о своей коже. Но здесь, похоже, придают такое значение чертову этикету, что мы не знали, как вы к этому отнесетесь.

II

– Мы подумали: вдруг вы тоже участвуете в заговоре, – вклинилась миссис Маккиско, хорошенькая молодая женщина с лживыми глазами, обладавшая обескураживающим напором. – Мы не знаем, кто в нем замешан, а кто нет.

Человек, к которому мой муж отнесся с особым расположением, оказался одним из главных персонажей – фактически вторым после героя.

– В заговоре? – непонимающе переспросила Розмари. – Здесь существует какой-то заговор?

– Дорогая моя, мы не знаем, – подхватила миссис Эбрамс, судорожно кудахтнув, как свойственно тучным женщинам. – Мы в нем не участвуем. Мы – галерка.

Мистер Дамфри, женоподобный молодой человек с волосами, похожими на паклю, заметил:

– Матушка Эбрамс сама – сплошной заговор.

Кэмпьон погрозил ему моноклем:

– Но-но, Роял, не сгущайте краски.

Розмари чувствовала себя не в своей тарелке и жалела, что рядом нет матери. Ей не нравились эти люди, особенно при непосредственном сравнении с теми, на другом конце пляжа, которые заинтересовали ее. Скромный, но неоспоримый талант общения, которым обладала ее мать, не раз вызволял их из нежелательных ситуаций быстро и решительно. Но знаменитостью Розмари стала всего каких-нибудь полгода назад, и порой французские манеры ее ранней юности и наложившиеся на них позднее демократические нравы Америки еще приходили в столкновение, заводя ее в подобные обстоятельства.

Мистеру Маккиско, сухопарому рыжеволосому, веснушчатому мужчине лет тридцати, тема «заговора» не казалась занятной. В продолжение разговора он сидел, уставившись на море, но теперь, метнув молниеносный взгляд на жену, повернулся к Розмари и с некоторым вызовом спросил:

– Вы здесь давно?

– Первый день.

– А-а…

Очевидно, желая убедиться, что тема заговора закрыта, он поочередно обвел взглядом присутствующих.

– Собираетесь провести здесь все лето? – невинно поинтересовалась миссис Маккиско. – Если так, то вы сможете увидеть, чем разрешится заговор.

– Господи, Вайолет, да оставь ты эту тему! – взорвался ее муж. – Ради Бога, придумай новую шутку!

Миссис Маккиско наклонилась к миссис Эбрамс и шепнула, но так, чтобы слышали все:

– У него нервы пошаливают.

– Ничего они не пошаливают, – огрызнулся мистер Маккиско. – Я, можно сказать, вообще никогда не нервничаю.

Внутри у него все кипело, и это было видно – лицо залилось серо-бурой краской, лишившей его какого бы то ни было внятного выражения. Осознав, как выглядит, он резко встал и направился к воде, жена поспешила следом; воспользовавшись случаем, за ними отправилась и Розмари.

Сделав глубокий вдох, мистер Маккиско бросился в мелкую воду и скованными движениями, которые, видимо, должны были имитировать кроль, стал молотить Средиземноморье руками. Быстро выдохшись, он встал и огляделся, явно удивленный тем, что берег еще виден.

– Я пока не научился правильно дышать, – сказал он. – Никогда не мог понять, как это делается. – Он вопросительно взглянул на Розмари.

– Насколько я знаю, выдыхать следует в воду, – объяснила она. – А на каждом четвертом гребке поворачивать голову вбок и делать вдох.

– Дыхание – это для меня самое трудное. Поплыли к плотику?

Мужчина с львиной гривой лежал на плотике, который раскачивался на волнах. В тот момент, когда миссис Маккиско подплыла к нему, край плотика приподнялся и резко ударил ее в плечо, мужчина быстро вскочил и вытащил ее из воды.

– Я испугался, как бы он вас не прихлопнул. – Он говорил тихо и как-то робко; у него было самое печальное лицо, какое доводилось видеть Розмари: высокие, как у индейца, скулы, длинная верхняя губа и огромные глубоко посаженные глаза цвета потускневшего старого золота. Он произносил слова уголком рта, как будто хотел, чтобы они достигли ушей миссис Маккиско кружным, деликатным путем; минуту спустя, оттолкнувшись от плотика, он врезался в воду, и его длинное тело, казавшееся неподвижным, заскользило к берегу.

Розмари и миссис Маккиско наблюдали за ним. Когда сила инерции иссякла, он резко согнулся пополам, его узкие бедра на миг показались над водой, и мужчина тут же исчез под ее поверхностью, оставив позади себя лишь слабый пенный след.

– Отлично плавает, – восхитилась Розмари.

Ответ миссис Маккиско прозвучал неожиданно гневно:

– Зато музыкант он никудышный. – Она повернулась к мужу, которому после двух неудачных попыток удалось все же взобраться на плотик и который, обретя равновесие, попытался в порядке компенсации за свою неуклюжесть принять непринужденную позу, однако добился лишь того, что с трудом удержался на ногах. – Я только что сказала, что Эйб Норт, может, и хороший пловец, но скверный музыкант.

– Ну да, – нехотя согласился Маккиско. Видимо, определять круг суждений жены он считал своей прерогативой и вольности позволял ей редко.

– Мой кумир – Антейль. – Миссис Маккиско задиристо повернулась к Розмари. – Антейль и Джойс. Полагаю, вы мало что слышали о них у себя в Голливуде, но мой муж был первым в Америке человеком, написавшим критическую статью об «Улиссе».

– Жаль, нет сигарет, – примирительно сказал Маккиско. – Больше всего на свете мне сейчас хочется покурить.

– У него есть нутро, ведь правда, Альберт?

Она внезапно осеклась. У берега со своими двумя детьми купалась женщина в жемчугах; подплыв под одного из малышей, Эйб Норт поднял его из воды на плечах, как вулканический остров. Ребенок визжал от страха и удовольствия; женщина наблюдала за ними с ласковым спокойствием, но без улыбки.

– Это его жена? – спросила Розмари.

– Нет, это миссис Дайвер. Они не живут в отеле. – Ее глаза, словно объектив фотоаппарата, не отрывались от лица женщины. Спустя несколько мгновений она резко повернулась к Розмари.

– Вы прежде бывали за границей?

– Да, я училась в школе в Париже.

– О! Тогда вы наверняка знаете: если хочешь сделать свое пребывание здесь приятным, нужно завести знакомства среди истинных французов. А что делают эти люди? – Она повела плечом в сторону берега. – Сбиваются в кучки и липнут друг к другу. Ну, у нас, конечно, были рекомендательные письма, поэтому мы познакомились в Париже с самыми известными художниками, писателями и прекрасно провели там время.

– Не сомневаюсь.

– Видите ли, мой муж заканчивает свой первый роман.

– Что вы говорите? – вежливо отозвалась Розмари. Ее мало интересовала тема разговора, она думала лишь о том, удалось ли ее матери заснуть в такую жару.

– Он основан на том же принципе, что и «Улисс», – продолжала миссис Маккиско. – Только вместо скитаний длиной в одни сутки мой муж берет промежуток времени в сто лет. У него немощный старый французский

аристократ переживает столкновение с веком технического прогресса…

– Вайолет, ради Бога, перестань рассказывать всем и каждому замысел моего романа, – взмолился Маккиско. – Я не хочу, чтобы все узнали его содержание еще до того, как он выйдет.

Доплыв до берега, Розмари накинула халат на уже саднившие плечи и снова улеглась на солнце. Мужчина в жокейском кепи обходил теперь своих друзей с бутылкой и маленькими стаканчиками; за время ее отсутствия компания развеселилась и собралась под общей крышей, составленной из всех зонтов. Розмари догадалась, что они провожают кого-то, кто собрался уезжать. Даже дети почувствовали, что под этим импровизированным навесом происходит что-то веселое и волнующее, и стали подтягиваться туда. Было ясно, что заводилой в компании является мужчина в жокейском кепи.

Над морем и небом теперь властвовал полдень – даже дальние контуры Канна солнце выбелило настолько, что они казались миражом, обманчиво манившим свежестью и прохладой; красногрудый, как малиновка, парусник, направлявшийся в бухту, тянул за собой темный шлейф из открытого, еще не вылинявшего моря. Казалось, жизнь замерла на всем прибрежном пространстве, кроме этого защищенного от солнца зонтами пестрого, рокочущего голосами клочка пляжа, где что-то происходило.

Кэмпьон подошел и остановился в нескольких шагах от Розмари, она закрыла глаза и притворилась спящей, но сквозь щелочку между веками ей был нечетко виден смазанный силуэт двух ног-столбов. Человек попытался влезть в маячившее перед ней облако песочного цвета, но оно уплыло в необъятное раскаленное небо. Розмари и впрямь заснула.

Проснулась она вся в поту и увидела, что пляж почти опустел, остался только мужчина в жокейском кепи, складывавший последний зонтик. Когда Розмари, продолжая лежать, заморгала спросонку, он подошел и сказал:

– Я собирался разбудить вас перед уходом. Вредно в первый же день так долго жариться на солнце.

– Благодарю вас. – Розмари взглянула на свои малиновые ноги. – Боже мой!

Она весело рассмеялась, приглашая его к разговору, но Дик Дайвер уже нес складную кабинку и зонты к стоявшему неподалеку автомобилю, поэтому она встала и отправилась ополоснуться в море. Тем временем он вернулся, подобрал грабли, лопату, сито и засунул их в расщелину скалы, после чего окинул взглядом пляж, проверяя, не осталось ли чего-нибудь еще.

– Не знаете, который теперь час? – крикнула ему из воды Розмари.

– Около половины второго.

Оба они несколько секунд, повернувшись лицом к воде, смотрели на море.

– Неплохое время, – сказал Дик Дайвер. – Не худшее в сутках.

Он перевел взгляд на нее, и на мгновение она с готовностью, доверчиво погрузилась в яркую синеву его глаз. Потом он взвалил на плечо оставшиеся пляжные пожитки и зашагал к машине, а Розмари, выйдя на берег, подняла с песка халат, встряхнула его, надела и пошла в отель.

III

Было почти два, когда они вошли в ресторан. По опустевшим столам гулял замысловатый плотный узор из теней и света, повторявший колыхание сосновых ветвей снаружи. Два официанта, собиравшие тарелки и громко переговаривавшиеся по-итальянски, при виде их замолчали и поспешно подали то, что осталось от обеденного табльдота.

– Я влюбилась на пляже, – объявила Розмари.

– В кого?

– Сначала в целую компанию людей, показавшихся мне очень симпатичными. А потом – в одного мужчину.

– Ты с ним познакомилась?

– Так, чуть-чуть. Он очень хорош. Рыжеватый такой. – Рассказывая, она ела с отменным аппетитом. – Но он женат – вечная история.

Мать была ее лучшим другом и вкладывала в нее все, что имела, – в театральных кругах явление не столь уж редкое, однако в отличие от других матерей миссис Элси Спирс делала это вовсе не из желания вознаградить себя за собственные жизненные неудачи. Два вполне благополучных брака, оба закончившиеся вдовством, не оставили в ее душе ни малейшего привкуса горечи или обиды, а лишь укрепили свойственный ей жизнерадостный стоицизм. Один из ее мужей был кавалерийским офицером, другой – военным врачом, и оба оставили ей кое-какие средства, которые она свято берегла для Розмари. Не балуя дочь, она закалила ее дух, не жалея собственных трудов и любви, воспитала в ней идеализм, который теперь обернулся благом для нее самой: Розмари смотрела на мир ее глазами. Таким образом, оставаясь по-детски непосредственной, Розмари оказалась защищена двойной броней: материнской и собственной – она обладала зрелым чутьем на все мелкое, поверхностное и пошлое. Тем не менее теперь, после стремительного успеха дочери в кино, миссис Спирс почувствовала, что пора духовно отлучить ее от груди; ее бы не только не огорчило, но порадовало, если бы свой неокрепший, пылкий, требовательный идеализм Розмари сосредоточила на чем-то, кроме нее.

– Значит, тебе здесь понравилось? – спросила она.

– Наверное, здесь можно было бы неплохо провести время, если познакомиться с теми людьми, о которых я сказала. Там были еще и другие, но те мне неприятны. А они меня узнали, удивительно – куда ни приедешь, оказывается, все видели «Папину дочку».

Миссис Спирс переждала этот всплеск самолюбования и деловито сказала:

– Кстати, когда ты собираешься встретиться с Эрлом Брейди?

– Думаю, мы могли бы съездить к нему сегодня, если ты отдохнула.

– Поезжай одна, я не поеду.

– Ну, тогда можно отложить до завтра.

– Я хочу, чтобы ты поехала одна. Это недалеко, и ты прекрасно говоришь по-французски.

– Мама, но могу я чего-то не хотеть?

– Ладно, поезжай в другой раз, но обязательно повидайся с ним до нашего отъезда.

– Хорошо, мама.

После обеда их внезапно охватила скука, которая часто посещает путешествующих американцев в тихих чужеземных уголках. В такие моменты не срабатывают никакие внешние побудители, никакие голоса извне до них не доходят, никаких отголосков собственных мыслей они не улавливают в разговорах с другими, и, тоскующим по бурной жизни империи, им кажется, что здесь жизнь просто умерла.

– Мама, давай не задерживаться тут больше трех дней, – сказала Розмари, когда они вернулись к себе в номер. Снаружи повеял легкий ветерок, который стал гонять жару по кругу, процеживать ее сквозь листву деревьев и через щели в ставнях засылать маленькие горячие клубы в комнату.

– А как же тот человек, в которого ты влюбилась на пляже?

– Мамочка, дорогая, не люблю я никого, кроме тебя.

Выйдя в вестибюль, Розмари попросила у папаши Госса расписание поездов. Консьерж в форме цвета хаки, бездельничавший возле стойки, уставился на нее в упор, но тут же вспомнил о манерах, приличествующих человеку его профессии, и отвел взгляд. В автобус вместе с ней сели два вышколенных официанта, которые всю дорогу до железнодорожной станции хранили почтительное молчание, что вызывало у нее неловкость, ей так и хотелось сказать: «Ну же, разговаривайте, чувствуйте себя свободно, мне это ничуть не помешает».

В купе первого класса было душно; яркие рекламные плакаты железнодорожных компаний – виды римского акведука в Арле, амфитеатра в Оранже, картинки

зимнего спорта в Шамони – выглядели куда свежее, чем нескончаемое неподвижное море за окном. В отличие от американских поездов, которые полностью погружены в собственную напряженную жизнь и безразличны к людям из внешнего, менее стремительного и головокружительного мира, этот поезд был плоть от плоти окружающего ландшафта. Его дыхание срывало пыль с пальмовых листьев, а зола смешивалась с сухим навозом, удобряя землю в огородах. Розмари нетрудно было представить, как она, свесившись из окна, рвет цветы.

На площади перед каннским вокзалом с десяток наемных экипажей ожидали пассажиров. За площадью, вдоль Променада, тянулись казино, фешенебельные магазины и величественные отели, обращенные в сторону летнего моря своими бесстрастными железными масками. Почти невозможно было поверить, что здесь бывает «сезон», и Розмари, не чуждая требованиям моды, немного смутилась – словно она проявила нездоровый интерес к покойнику; ей казалось, что люди недоумевают: зачем она оказалась здесь в период спячки между весельями предыдущей и предстоящей зим, в то время как где-то на севере сейчас кипит настоящая жизнь.

Когда Розмари вышла из аптеки с флаконом кокосового масла, дама, в которой она узнала миссис Дайвер, с охапкой диванных подушек в руках перешла дорогу прямо перед ней и направилась к машине, припаркованной чуть дальше по улице. Длинная коротконогая такса приветственно залаяла, увидев хозяйку, и задремавший шофер испуганно вскинулся. Дама села в машину. Она прекрасно владела собой: выражение ее красивого лица было непроницаемо, смелый зоркий взгляд направлен вперед, в пустоту. На ней было ярко-красное платье, из-под которого виднелись загорелые ноги без чулок. Густые темные волосы отливали золотом, словно шерсть чау-чау.

Поскольку обратный поезд отходил только через полчаса, Розмари зашла в «Кафе дез Алье» на набережной Круазетт и села за один из столиков под сенью деревьев; оркестр развлекал разнонациональную публику «Карнавалом в Ницце» и прошлогодним американским шлягером. Она купила для матери «Ле Тамп» и «Сэтердей ивнинг пост» и теперь, развернув последнюю и потягивая лимонад, углубилась в чтение мемуаров какой-то русской княгини, чье описание уже затуманенных пеленой лет обычаев девяностых показалось Розмари более реальным и близким, нежели заголовки сегодняшней французской газеты. Это было сродни настроению, которое накатило на нее в отеле, – ей, не наученной

самостоятельно выделять суть событий, привыкшей видеть вокруг себя в Америке гротескность, лишенную нюансов, четко помеченную знаком либо комедии, либо трагедии, французская жизнь начинала казаться пустой и затхлой. Ощущение усиливалось тоскливой музыкой, напоминавшей меланхолические мелодии, под которые в варьете выступают акробаты. Она с радостью вернулась в отель Госса.

Из-за ожога плеч весь следующий день она не могла купаться, поэтому они с матерью – основательно поторговавшись, поскольку во Франции Розмари научилась считать деньги, – наняли машину и поехали вдоль Ривьеры, представляющей собой дельту множества рек. Водитель, напоминавший русского боярина эпохи Ивана Грозного, вызвался быть их гидом, и блистательные названия – Канн, Ницца, Монте-Карло – засверкали вновь сквозь покров оцепенения, нашептывая легенды о королях давнишних времен, приезжавших сюда пировать или умирать, о раджах, метавших под ноги английским балеринам самоцветы глаз Будды, о русских князьях, лелеявших здесь воспоминания об утраченном балтийском прошлом с его икорным изобилием. Отчетливей других на побережье ощущался русский дух – повсюду встречались русские книжные магазины и бакалейные лавки, правда, сейчас закрытые. Тогда, десять лет назад, когда сезон заканчивался в апреле, двери православных церквей запирались, а сладкое шампанское, которое так любили русские, убиралось в погреба до их возвращения. «Мы вернемся на будущий год», – говорили они, прощаясь, но то были несбыточные обещания: они не приезжали больше никогда.

Приятно было ехать обратно в отель на закате дня над морем, таинственно окрасившимся в памятные с детства цвета агатов и сердоликов – молочно-зеленый, как молоко в зеленой бутылке, голубоватый, как вода после стирки, винно-красный. Приятно было видеть людей, трапезничающих перед домом, и слышать громкие звуки механического пианино, доносившиеся из-за оплетенных виноградом изгородей деревенских кабачков. Когда, свернув с Корниш д’Ор, они покатили по дороге, ведущей к отелю Госса, мимо темнеющих в окрестных огородах древесных шпалер, луна уже взошла над развалинами древнего акведука…

Где-то в горах за отелем шло гулянье с танцами, призрачный лунный свет лился сквозь москитную сетку, Розмари слушала музыку и думала о том, что где-то поблизости, вероятно, тоже идет веселье, – она вспомнила симпатичную пляжную компанию. Возможно, утром она с ними встретится снова, но

совершенно очевидно, что у них свой замкнутый кружок, и та часть пляжа, на которой они рассядутся со своими зонтиками, бамбуковыми ковриками, собаками и детьми, будет словно бы обнесена забором. Но в любом случае она твердо решила: с той, другой, компанией она оставшиеся два утра проводить не станет.

IV

Все уладилось само собой. Маккиско на пляже еще не было, и не успела она расстелить на песке халат, как двое мужчин – тот, что в жокейском кепи, и высокий блондин, предположительно распиливший надвое официанта, – отделились от группы и подошли к ней.

– Доброе утро, – сказал Дик Дайвер, склонившись к ней. – Послушайте, ожог – не ожог, но почему вас вчера целый день не было? Мы беспокоились.

Она села и счастливо рассмеялась, давая понять, что рада их вторжению.

– Мы ждали, появитесь вы сегодня или нет, – продолжал Дик Дайвер. – Присоединяйтесь к нам, у нас есть что выпить и чем закусить, так что предложение стоящее.

Он был добр и обаятелен – в его голосе слышалось обещание опекать, а чуть позже открыть для нее целые новые миры и развернуть бесконечную череду восхитительных возможностей. Он ухитрился представить ее своим друзьям, не упомянув имени, но изящно дав понять, что все знают, кто она, однако безоговорочно уважают неприкосновенность ее частной жизни, – с такой деликатностью, если не считать некоторых коллег, Розмари не сталкивалась с тех пор, как обрела известность.

Николь Дайвер – ее загорелая спина походила на атласную мантию, украшенную жемчужным ожерельем, – искала в кулинарной книге рецепт цыпленка по-мэрилендски. На взгляд Розмари, ей было года двадцать четыре, ее лицо можно было бы назвать красивым в общепринятом смысле, если бы не странный эффект: словно бы поначалу оно было задумано по героическому канону – четкие, строгие пропорции, высокий ясный лоб, естественные краски и выразительная лепка черт, выдающая силу характера и скрытый темперамент, – все в соответствии с роденовскими образцами, а потом скульптор как будто

отклонился в сторону миловидности до такой степени, что казалось: еще одно движение резца – и значительность облика будет непоправимо умалена. Отчаянная борьба скульптора с самим собой была особенно заметна в линии рта: даже в купидоновом, как у красавицы с журнальной обложки, бантике губ угадывались та же строгость и решительность, что и в остальных чертах.

– Вы здесь надолго? – спросила Николь. Голос у нее был низкий, едва ли не грубый.

Розмари вдруг пришло в голову, что можно было бы задержаться на недельку.

– Не очень, – ответила она уклончиво. – Мы уже давно путешествуем: в марте высадились на Сицилии и медленно двигаемся на север. В январе на съемках я подхватила пневмонию и вот теперь восстанавливаю силы.

– Господи! Как это случилось?

– Вынужденное купание. – Розмари не хотелось пускаться в откровения. – У меня уже был грипп, но я этого не знала, а в Венеции как раз снималась сцена, в которой я ныряю в канал. Декорация была очень дорогой, поэтому нельзя было терять время, пришлось нырять, нырять и нырять все утро. Мама сразу же вызвала врача, но оказалось поздно, у меня уже развилось воспаление легких. – И прежде чем кто-нибудь успел вставить слово, она решительно сменила тему: – А вам это место нравится?

– У них нет другого выхода, – спокойно ответил Эйб Норт. – Они же сами его придумали. – Он медленно повернул благородную голову, остановив взгляд, исполненный нежной привязанности, на чете Дайверов.

– Вот как?

– Этот отель не закрывается на лето полностью всего второй сезон, – пояснила Николь. – Мы уговорили Госса оставить одного повара, одного официанта и одного посыльного – расходы окупились, а в этом году дела пошли еще лучше.

– Но вы сами ведь не живете в отеле?

– У нас дом наверху, в Тарме.

– Мы исходили из того, – сказал Дик, переставляя зонт так, чтобы закрыть им солнечный квадрат на плече Розмари, – что северные курортные города, такие как Довиль, будут популярны среди русских и англичан, которые не боятся холода, а добрая половина нас, американцев, живет в тропическом климате. Вот почему мы и начали ездить сюда.

Молодой человек с романской внешностью листал «Нью-Йорк геральд».

– Интересно, какой национальности эти люди? – спросил он вдруг и прочел вслух с легкой французской интонацией: – «В отеле “Палас” в Веве остановились мистер Пэндели Власко, мадам Бонн-эсс[2 - Bonne (фр.) – добрый, хороший; ass (англ.) – ослица.], – я не придумываю, так написано, – Коринна Медонка, мадам Паще, Серафим Туллио, Мария Амалия Рото Маис, Мойзес Тёбел, мадам Парагорис, Апостол Александр, Йоланда Йосфуглу и Геневева де Момус». Вот эта Геневева де Момус интригует больше всего. Хоть езжай в Веве, чтобы посмотреть на нее.

Неожиданно он вскочил, одним резким движением выпрямив тело. Он был на несколько лет моложе Дайвера и Норта, высок ростом; несмотря на упругость мышц, слишком худощав, однако мощные плечи и руки выдавали его силу. На первый взгляд всякий признал бы его красивым, но было в его лице постоянное выражение легкой брезгливости, которое портило впечатление, даже несмотря на лучистое сияние карих глаз. Тем не менее задним числом забывались и капризно изогнутые губы, и морщинки вечного недовольства и раздражения на юношеском лбу, помнились лишь эти неистово сияющие глаза.

– На прошлой неделе мы нашли в объявлениях и несколько забавных американских имен, – сказала Николь. – Миссис Ивлин Ойстер[3 - Oyster (англ.) – устрица.] и… кто там еще?

– Еще был мистер С. Флеш[4 - Flesh (англ.) – тело, плоть.], – подхватил Дайвер, тоже вставая. Он взял грабли и начал с серьезным видом вычесывать камешки из песка.

– Да уж, без содрогания и не выговоришь.

Розмари чувствовала себя спокойной в присутствии Николь – даже спокойней, чем рядом с матерью. Эйб Норт и француз Барбан разговаривали о Марокко, Николь, списав рецепт, принялась за шитье. Розмари окинула взглядом их пляжные принадлежности: четыре сдвинутых больших зонта, заменявшие теневой навес, складная кабинка для переодевания, надувная резиновая лошадка – плоды послевоенного бума производства, роскошные новинки, каких Розмари еще не видела; вероятно, ее новые знакомые были одними из первых покупателей. Она догадалась, что они принадлежат к так называемой избранной публике, но, хоть мать и приучила ее считать таких людей тунеядцами, никакой неприязни к ним не испытывала. Даже в их неподвижности, абсолютной, как неподвижность этого утра, она угадывала некую цель, осмысленность существования, устремленность к чему-то, акт творчества, отличный от всего того, что она видела до тех пор. Ее незрелый ум не пытался вникнуть в природу тех связей, что скрепляли их, ее занимало лишь, как они отнесутся к ней, тем не менее интуитивно она ощущала, что существует сложная сеть приятных взаимоотношений, которые объединяли их и которую она мысленно определила для себя простодушной формулой «очень славно проводят время вместе».

Она обвела взглядом трех мужчин, поочередно останавливаясь на каждом. Все они были по-своему привлекательны; всех отличала особая мягкость, которая, как она чувствовала, являлась естественным результатом воспитания, никак не обусловленным внешними событиями, это было совсем не похоже на привычное поведение актеров; отметила она и присущий им такт, отличавший их манеры от панибратски-грубоватых ухваток режиссеров, которые в ее жизни представляли интеллектуальную часть общества. Актеры и режиссеры были единственными мужчинами, которых она знала до сих пор, если не считать однородную, неразличимую массу особ мужского пола, интересующихся только любовью с первого взгляда, – со многими из них она познакомилась прошлой осенью в Йеле на студенческом балу.

Эти трое были совершенно иными. Барбан – менее сдержанный, склонный к скептицизму и сарказму, его воспитанность казалась формальной, чтобы не сказать поверхностной, данью этикету. За внешней робостью Эйба Норта таился бесшабашный юмор, который забавлял, но и смущал Розмари. Будучи по натуре девушкой серьезной, она сомневалась, что способна произвести впечатление на такого человека.

Зато Дик Дайвер представлялся ей совершенством. Она безмолвно восхищалась им. Его загорелое, чуть обветренное лицо приобрело красноватый оттенок,

такой же, какой имели его коротко остриженная шевелюра и легкая поросль на руках. Глаза были холодно-синими и блестящими. Нос – чуть заостренным. И когда он с кем-нибудь разговаривал, ни у кого не возникало сомнений, к кому он обращается и на кого смотрит, – такое внимание всегда льстит, потому что кто же на нас смотрит по-настоящему внимательно? Обычно люди лишь скользят по тебе взглядом, любопытным или безразличным, не более того. Голос его чаровал собеседника, однако за располагающей ирландской мелодичностью Розмари угадывала твердость, самоконтроль и самодисциплину – достоинства, которые ценила в себе самой. Да, из всех она выбрала его, и Николь, услышав тихий вздох сожаления о том, что он принадлежит другой, взглянула на нее и все поняла.

Ближе к полудню на пляже появились чета Маккиско, миссис Эбрамс, мистер Дамфри и сеньор Кэмпьон. Они принесли с собой новый зонт, установили его, искоса поглядывая на компанию Дайверов, и с самодовольным видом забрались под него – все, кроме мистера Маккиско, демонстративно пренебрегшего тенью. Продолжая прочесывать граблями песок, Дик прошел в непосредственной близости от них и вернулся к своим.

– Двое молодых людей вместе читают «Правила этикета», – доложил он, понизив голос.

– Готовятся внедриться в фешенебельное общество, – иронически заметил Эйб.

Мэри Норт, женщина с великолепным загаром, которую Розмари в первый день видела на плотике, выйдя из воды, присоединилась к компании и с лукавой улыбкой сказала:

– Итак, прибыли мистер и миссис Бестрепетные.

– Не забывай: они друзья этого человека, – напомнила ей Николь, указывая на Эйба. – Удивляюсь, что он еще не идет поболтать с ними. Разве вам не кажется, что они очаровательны, Эйб?

– Кажется, – согласился Эйб. – Только я не думаю, что они на самом деле очаровательны.

– Я предчувствовала, что этим летом на пляже будет слишком много народу, – призналась Николь. – На нашем пляже, который Дик сотворил на месте груды камней. – Она помолчала и, снизив голос так, чтобы ее не услышало трио нянь, сидевших под соседним зонтом, добавила: – Но все равно этих я предпочитаю тем англичанам, которые прошлым летом никому не давали здесь покоя своими ахами и охами: «Ах, посмотрите, какое синее море! Ах, посмотрите, какое белое небо! Ох, посмотрите, как у малышки Нелли покраснел носик!»

«Не хотела бы я иметь Николь своим врагом», – подумала Розмари.

– Вы еще драки не видели, – продолжала Николь. – За день до вашего приезда муж со странной фамилией, которая звучит как название марки бензина или масла…

– Маккиско?

– Да. Так вот, они повздорили, и она бросила ему в лицо пригоршню песка. Тогда он придавил ее и стал возить по песку физиономией. Мы просто обалдели. Я даже хотела, чтобы Дик вмешался.

– Думаю, – неторопливо произнес Дик Дайвер, все время разговора сидевший, безучастно уставившись в соломенную циновку, – мне следует пойти и пригласить их на ужин.

– Ты шутишь! – испуганно воскликнула Николь.

– Нет. Думаю, это прекрасная мысль. Раз уж они здесь, нужно приноровиться к ним.

– А мы и так прекрасно приноровились, – смеясь, не сдавалась Николь. – Я не хочу, чтобы меня тоже ткнули носом в песок. Я женщина злобная и необщительная, – шутливо пояснила она Розмари и крикнула: – Дети, надевайте купальники!

Розмари вдруг почувствовала, что это купание станет в ее жизни символическим и впоследствии при упоминании о купании она всегда будет вспоминать именно его. Вся компания дружно направилась к воде, более чем подготовленная

долгим вынужденным бездействием к тому, чтобы с восторгом гурмана, смакующего острое карри под ледяное белое вино, из жары окунуться в прохладу. Дайверы проводили свои дни так, как это было принято у людей древних цивилизаций: они извлекали максимум из того, чем располагали, и полностью отдавались смене ощущений; Розмари пока не знала, что вскоре ей предстоит еще одна такая смена – переход от абсолютной обособленности пловца к оживленной общей болтовне прованского обеденного часа. Но ей не переставало казаться, что Дик опекает ее, и она с восторгом и готовностью откликалась на любое случайное движение, как если бы выполняла приказ.

Николь завершила работу над неким странным предметом одежды и вручила его мужу. Дик зашел в кабинку и, выйдя оттуда минуту спустя в черных прозрачных кружевных панталонах, вызвал всеобщее смятение. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что панталоны были посажены на подкладку телесного цвета.

– Черт возьми, это выходка педераста! – презрительно воскликнул мистер Маккиско, но, спохватившись, поспешно обернулся к мистеру Дамфри и мистеру Кэмпьону и добавил: – О, прошу прощения.

Розмари при виде экстравагантных панталон с восхищением пробормотала что-то неразборчивое. Она со своей наивностью всем сердцем отзывалась на недешево обходившуюся простоту Дайверов, не отдавая себе отчета в том, что не так уж она проста и невинна, не понимая, что выбор на ярмарке жизни сделан по признаку качества, а не количества и что все прочее – непосредственность поведения, детская безмятежность и доброжелательность, упор на простые добродетели – все было частью отчаянного торга с богами и обретено в такой борьбе, о какой она и понятия не имела. Стороннему взгляду Дайверы в тот момент представлялись форпостом эволюции своего класса, большинство людей рядом с ними выглядели нелепо, в действительности же качественная перемена уже произошла, но Розмари не было дано это видеть.

Когда она вместе с остальными угощалась хересом и крекерами, Дик Дайвер, глядя на нее холодными синими глазами, задумчиво произнес:

– Давно я не видел девушки, которая действительно напоминала бы нечто цветущее.

Позднее, уткнувшись лицом в колени матери, Розмари не могла сдержать рыданий.

– Я люблю его, мама. Я отчаянно в него влюблена – я даже представить себе не могла, что способна испытывать к кому-то подобное чувство. А он женат, и она мне тоже нравится. Полная безнадежность. О, как я его люблю!

– Интересно было бы познакомиться с ним.

– Он пригласил нас в пятницу на ужин.

– Если ты так влюблена, то должна чувствовать себя счастливой. Смеяться должна, а не плакать.

Розмари подняла голову. По ее лицу пробежала очаровательная гримаска, и она рассмеялась. Мать всегда имела на нее большое влияние.

V

В Монте-Карло Розмари отправилась в таком мрачном настроении, на какое только была способна. По неровным уступам горы машина поднялась к Ла-Тюрби и находившейся в процессе реконструкции старой киностудии компании «Гомон». Передав свою визитку и дожидаясь ответа перед ажурными чугунными воротами, Розмари чувствовала себя так, словно и не уезжала из Голливуда. Причудливые фрагменты уже разобранной декорации какой-то картины громоздились на площадке за воротами – захолустная улочка индийского городка, гигантский картонный кит, безобразное дерево с плодами, огромными, как баскетбольные мячи, которое, впрочем, здесь по некоему эксцентричному произволению казалось не более чужеродным, нежели бледный амарант, мимоза, пробковое дерево или карликовая сосна. В глубине виднелись палатка, где можно было быстро перекусить, и два студийных павильона, похожих на ангары, а вокруг повсюду томились в ожидании участники массовки с исполненными надежд раскрашенными лицами.

Прошло минут десять, прежде чем молодой человек с волосами канареечного цвета поспешно подбежал к воротам.

– Входите, мисс Хойт. Мистер Брейди на съемочной площадке, но он очень хочет вас видеть. Простите, что заставили вас ждать, но знаете, некоторые французские дамы, желающие сюда проникнуть, – это настоящее бедствие…

Студийный администратор открыл дверцу в глухой стене, и Розмари последовала за ним в полумрак павильона с неожиданно радостным ощущением, что она здесь своя. То там, то здесь из сумрака проступали человеческие фигуры, поворачивавшие к ней пепельно-серые лица, – словно души, наблюдавшие за шествием смертного через чистилище. Слышались шепот, приглушенные голоса, а откуда-то издали – тихое тремоло фисгармонии. Завернув за угол, представлявший собой какую-то фанерную выгородку, они вышли к залитой ярко-белым светом потрескивавших софитов сцене, на которой лицом к лицу застыли американская актриса и французский актер – манишка, воротник и манжеты его костюма отливали ярко-розовым свечением. Они в упор неотрывно смотрели друг на друга, и казалось, что в такой позиции пребывали уже не один час, тем не менее еще в течение довольно долгого времени ничего не происходило, актеры оставались неподвижны. Батарея светильников с устрашающим шипением погасла, потом зажглась снова; вдали – словно мольба пропустить в никуда – послышался жалобный стук дверного молоточка; между слепящими софитами возникло синюшное лицо, прокричавшее нечто неразборчивое вверх, во тьму. Потом прямо перед Розмари во вновь наступившей тишине раздался голос:

– Детка, чулки не снимай, можешь изорвать еще хоть десять пар. Это платье стоит пятнадцать фунтов.

Пятясь, говоривший наступал прямо на Розмари, и администратор предупреждающе крикнул:

– Эй, Эрл, осторожно, там мисс Хойт.

Прежде они никогда не встречались. Брейди оказался человеком энергичным и стремительным. Протягивая ему руку, Розмари заметила, что он быстро окинул ее с головы до ног оценивающим взглядом, к каким она уже привыкла, поэтому почувствовала себя уверенно; такие взгляды, кто бы их ни бросал, всегда придавали ей легкое ощущение собственного превосходства. Если ее персона представляла собой некое достояние, то почему бы его обладательнице не пользоваться преимуществами, которые оно давало.

– Я ждал вас со дня на день, – сказал Брейди с чуть излишней театральностью; в его произношении был заметен легкий акцент лондонского кокни. – Хорошо попутешествовали?

– Да, но уже хочется домой.

– Нет-нет! – запротестовал он. – Послушайте, я хочу с вами поговорить. Знаете, как только я в Париже увидел вашу картину – «Папина дочка», да? – я тут же телеграфировал на побережье, чтобы узнать, ангажированы ли вы в настоящей момент.

– Простите, но я только что…

– Ах какая картина! – перебил ее Брейди.

Чтобы не поставить себя в глупое положение нескромностью, Розмари не улыбнулась, а напротив, приняла серьезный вид.

– Кому хочется остаться в памяти зрителя актрисой одной роли? – сказала она.

– Разумеется, вы совершенно правы. И каковы же ваши планы?

– Мама сочла, что мне нужно было отдохнуть. Но по возвращении мы, вероятно, либо подпишем контракт с «Ферст нэшнл», либо продлим с «Феймос».

– Кто это – мы?

– Моя мама и я. Все деловые вопросы решает она. Без нее я бы ничего не смогла.

Он снова окинул ее взглядом, и что-то внутри Розмари откликнулось на его взгляд. Это было даже не симпатией и уж, конечно, не тем спонтанным восхищением, какое она утром почувствовала по отношению к мужчине на пляже. Как будто повернули выключатель. Стоявший сейчас перед ней человек желал ее, и насколько позволяли ее девичьи эмоции, она без смущения подумала, что могла бы ему уступить. Но в то же время она точно знала, что забудет о нем через полчаса после того, как они расстанутся, – как актер забывает об экранном поцелуе.

– Где вы остановились? – спросил Брейди. – Ах да, у Госса. Что ж, мои планы на нынешний год тоже уже сверстаны, но все, что я написал вам в письме, остается в силе. После Конни Тэлмадж в пору ее юности я ни одну девушку еще не хотел снимать так, как вас.

– Я тоже хотела бы у вас сняться. Почему бы вам не вернуться в Голливуд?

– Не выношу это отвратительное место. А здесь мне хорошо. Подождите немного, я сейчас закончу эпизод и покажу вам студию.

Вернувшись на площадку, он спокойным тихим голосом начал что-то объяснять французскому актеру.

Прошло минут пять, Брейди продолжал говорить, актер время от времени переминался с ноги на ногу и кивал. Внезапно прервавшись, Брейди крикнул что-то осветителям, и софиты, зажужжав, вмиг вспыхнули снова. Розмари словно услышала знакомый голос Лос-Анджелеса и, испытав прилив желания вернуться туда, бесстрашно двинулась сквозь темный фанерный город декораций к выходу. Ей не хотелось видеть Брейди в том настроении, в каком, она знала, тот будет после съемки, поэтому, пребывая в плену нахлынувших чувств, она покинула студию. Теперь, после посещения киностудии, мир Средиземноморья уже не казался ей таким уж сонным уголком. Ей нравились прохожие на улицах, и по дороге на вокзал она с удовольствием купила себе пару сандалий на веревочной подошве.

Мать осталась довольна тем, как Розмари выполнила ее наставления, однако она по-прежнему была полна решимости отправить дочь в свободное плавание по жизни. Выглядела миссис Спирс свежо, но душевно она устала; люди устают от бдения у смертного одра, а ей уже дважды выпало пройти через это испытание.

VI

Пребывая в приятном расположении духа после выпитого за обедом розового вина, Николь Дайвер высоко сложила руки на груди, так что искусственная камелия на ее плече касалась щеки, и вышла в свой чудный сад, раскинувшийся

на каменистом склоне. С одной стороны сад ограничивался домом, из которого словно бы вытекал, с двух других – старинной деревней, а с четвертой – обрывом, скалистыми уступами уходившим к морю.

Всё вдоль ограды, отделявшей сад от деревни, – вьющиеся виноградные лозы, лимонные деревья и эвкалипты, тачка, казалось, только что оставленная здесь, но уже вросшая в землю и начавшая подгнивать, – было покрыто пылью. Николь неизменно вновь и вновь испытывала удивление, когда, повернув в другую сторону, за купой пионов попадала в зеленый прохладный уголок, где листья и цветочные лепестки кудрявились от нежной влаги.

Обернутый вокруг шеи сиреневый шарф даже в обесцвечивавшем все вокруг ярком солнечном свете придавал бледный оттенок ее лицу и струил сиреневую тень вниз, к ступням. Лицо могло показаться строгим, почти суровым, если бы не едва заметное выражение жалобной неуверенности, затаившееся во взгляде зеленых глаз. Ее некогда светлые волосы потемнели, но в свои двадцать четыре года она стала даже красивей, чем в восемнадцать, когда эти волосы были самой яркой особенностью ее облика, затмевавшей все остальное.

По дорожке, стелющейся вдоль белого каменного бордюра и окаймленной неосязаемой дымкой цветения, она дошла до нависавшей над морем площадки, где среди фиговых деревьев дремали фонари, а под гигантской сосной – самым большим деревом в саду – были расставлены стол и плетеные стулья, затененные обширным рыночным зонтом, привезенным из Сиены. Здесь она задержалась, отсутствующим взглядом скользя по настурциям и ирисам, беспорядочно разросшимся у подножия сосны, словно кто-то небрежно бросил когда-то в землю пригоршню семян, и прислушалась к неразборчивым пререканиям то жалобных, то сердитых голосов, доносившихся из дома, – это ссорились дети. Когда звуки смолкли, растаяв в летнем воздухе, она двинулась дальше сквозь калейдоскоп пионов, сбившихся в розовые облака, черных и коричневых тюльпанов и покоящихся на лиловых стеблях хрупких роз, прозрачных, словно сахарные цветы в витрине кондитерской, – пока это скерцо красок, достигнув предельного напряжения, внезапно не оборвалось перед воздушным простором, нависшим над влажными ступеньками, сбегавшими к расположенному на пять футов ниже уступу.

Здесь бил родник, обнесенный каменной оградой, которая даже в самые жаркие дни оставалась сырой и скользкой. По ступеням, вырубленным на другой стороне площадки, Николь поднялась в огород; она шла довольно быстро,

поскольку вообще любила движение, хотя иногда являла собой воплощение покоя, одновременно умиротворенного и загадочного. Причина, видимо, состояла в том, что, не веря ни в какие слова, она была немногословна, чтобы не сказать молчалива, и в светские беседы вносила лишь свою долю тонкого юмора, до скупости строго отмеренную. Однако если видела, что собеседникам становится неуютно от такой экономности, подхватывала тему разговора и, к собственному лихорадочному удивлению, бросалась в него очертя голову, а потом так же внезапно, едва ли не робко замолкала, как послушный ретривер, более чем хорошо выполнивший команду.

Стоя посреди пронизанной солнцем пушистой зелени огорода, она увидела, как Дик пересекает дорожку, направляясь в свой рабочий флигелек. Николь подождала, затаившись, пока он удалится, потом двинулась вдоль грядок будущего салата к маленькому зверинцу, где голуби, кролики и попугай встретили ее какофонией дерзких звуков. Оттуда она спустилась на один уступ и, оказавшись перед огибавшим его по краю невысоким парапетом, посмотрела вниз, на расстилавшееся футах в семистах Средиземное море.

Место, где она сейчас стояла, когда-то тоже было частью старинного горного селения Тарм. Участок земли под нынешнюю виллу выкроили из примыкавших друг к другу крестьянских дворов, облепивших утес; из пяти маленьких домиков соорудили один большой, а четыре снесли, чтобы разбить сад. Внешнюю стену оставили нетронутой, поэтому с дороги, пролегавшей далеко внизу, вилла была неразличима в общем фиолетово-сером массиве сельских строений.

Несколько минут Николь смотрела на средиземноморский простор, но в нем даже ее неутомимые руки ничего изменить не могли. Вскоре из своей однокомнатной хибарки вышел Дик с оптической трубой и, наведя ее на восток, стал рассматривать Канн. Минуту спустя в поле его зрения вплыла Николь. Он на миг скрылся в домике и появился снова уже с мегафоном в руке – у него была масса технических приспособлений.

– Николь! – крикнул он. – Я забыл тебе сказать, что в качестве последнего апостольского жеста пригласил к нам миссис Эбрамс, ту женщину с седыми волосами.

– Я это подозревала. Ужас! – Легкость, с какой ее слова достигли его ушей, можно было истолковать как посрамление достоинств мегафона, поэтому, повысив голос, она спросила: – Ты меня слышишь?

– Да. – Он опустил было мегафон, но потом снова упрямо поднес его к губам. – Я еще кое-кого собираюсь пригласить. Тех двух молодых людей.

– Ладно, давай, – безмятежно согласилась она.

– Хочу устроить по-настоящему безобразную вечеринку. Я не шучу. Вечеринку с каким-нибудь шумным скандалом, с соблазнениями, с дамскими обмороками в туалетной комнате и чтобы гости уходили домой в оскорбленных чувствах. Вот подожди, сама увидишь.

Он удалился в свой домик, а Николь отметила про себя, что на мужа снизошло одно из наиболее характерных для него настроений: бурное возбуждение, которое втягивало в свою орбиту все вокруг и за которым неизбежно следовала особая, свойственная только ему разновидность уныния, которого он никогда никому не показывал, но которое она угадывала безошибочно. Его возбуждение достигало накала, несоразмерного поводу, и невольно вызывало такой же чрезмерный отклик у окружающих. Разве что немногие особо толстокожие и недоверчивые по натуре люди были способны противостоять его неотразимому обаянию и не влюблялись в него сразу же и безоглядно. Реакция наступала, как только он осознавал тщету и сумасбродность своей эскапады. Порой, оглядываясь назад, на устроенный им буйный карнавал, он сам испытывал ужас – подобно генералу, озирающему последствия резни, приказ о которой сам же и отдал в безотчетном стремлении удовлетворить жажду крови.

Однако быть на время включенным в мир Дика Дайвера казалось незабываемым событием: каждый мнил, что к нему Дик относится по-особому, прозрев в нем исключительную личность, столько лет таившуюся за уступками обыденности. Он мгновенно завоевывал сердца тонким пониманием и обходительностью, которые действовали так быстро и так мягко, что заметить это можно было только по результату. Затем, не давая увянуть бурно расцветшим отношениям, он без предупреждения распахивал ворота в свой удивительный мир. И пока окружающие безоговорочно принимали предложенные им правила, его главной задачей оставалось доставлять им удовольствие, но при первом же намеке на сомнение в выстроенной им системе отношений он испарялся прямо у них на глазах, не оставляя почти никаких приятных воспоминаний о том, что говорил и делал прежде.

В тот вечер ровно в восемь тридцать он вышел встречать своих первых гостей, весьма церемонно и многообещающе, словно плащ тореадора, неся на руке пиджак. С подобающей куртуазностью поприветствовав Розмари и ее мать, он предоставил им возможность первыми начать разговор, как будто хотел, чтобы в незнакомом окружении звук собственных голосов придал им уверенности.

Под впечатлением от восхождения к Тарму и свежего воздуха Розмари и миссис Спирс одобрительно отзывались обо всем, что видели вокруг. Как свойства натуры незаурядных людей проявляются порой в непривычных оборотах речи, так тщательно продуманное совершенство виллы «Диана» проявлялось даже в таких мелких недоразумениях, как непредвиденное появление горничной где-то в глубине сцены или никак не желающая открываться пробка. В то время как прибывающие гости приносили с собой волнующее предвкушение вечернего веселья, домашняя дневная жизнь потихоньку сходила на нет и дети Дайверов под присмотром гувернантки заканчивали ужин на террасе.

– Какой красивый сад! – воскликнула миссис Спирс.

– Это детище Николь, – сказал Дик. – Она не жалеет усилий – все время терзает его заботами о здоровье растений. Боюсь, как бы она сама однажды не подхватила какую-нибудь мучнистую росу, паршу или фитофтору. – И решительно направив указательный палец на Розмари, шутливо, по-отечески покровительственно добавил: – Я намерен позаботиться о сохранности вашего рассудка и с этой целью подарить вам пляжную шляпу.

Из сада он повел их на террасу и налил каждой по коктейлю. Прибывший вскоре Эрл Брейди удивился, увидев Розмари. Здесь он держался мягче и спокойней, чем на студии, словно свою тамошнюю манеру поведения оставил за воротами, но, сравнив его с Диком Дайвером, Розмари безоговорочно сделала выбор в пользу последнего. Рядом с Диком Эрл Брейди казался немного вульгарным, чуть хуже воспитанным, тем не менее она ощутила тот же электрический разряд, что и при первой их встрече. Эрл фамильярно заговорил с детьми, которые как раз вставали из-за стола:

– Привет, Ланье! Как насчет песенки? Не споете мне с Топси что-нибудь?

– А что нам спеть? – не упрямясь, спросил мальчик с характерным для всех воспитывавшихся во Франции американских детей певучим акцентом.

– Ну, например, ту песенку – «Мой друг Пьеро».

Ничуть не смущаясь, брат и сестра встали рядом, и в вечерний воздух взмыли милые звонкие детские голоса.

Au clair de la lune,

Mon ami Pierrot,

Pr?te-moi ta plume

Pour ecrire un mot.

Ma chandelle est morte,

Je n’ai plus de feu,

Ouvre-moi ta porte

Pour l’amour de Dieu[5 - В этом лунном сиянии, О, друг мой Пьеро,Свое перышко дай мнеНаписать письмецо.Уж свеча догорает.Нет больше огня.Отвори ж, Бога ради,Приюти ты меня.(фр.)].

Закончив петь, дети, улыбаясь, спокойно, без жеманства, принимали похвалы; лучи закатного солнца нежно румянили их лица. Розмари казалось, что вилла «Диана» – центр мироздания. На такой сцене не могло не произойти нечто, что запомнится на всю жизнь, поэтому она еще больше разволновалась, когда скрипнула калитка. Это все вместе явились остальные гости – чета Маккиско, миссис Эбрамс, мистер Дамфри и мистер Кэмпьон поднялись на террасу.

Розмари испытала острое чувство разочарования – она бросила взгляд на Дика, словно желала получить объяснение столь несообразного сборища. Но тот оставался невозмутим. Он приветствовал новых гостей с горделивым достоинством и нескрываемым почтением к их безграничным, хотя и неведомым пока возможностям. И Розмари так верила ему, что вскоре уже воспринимала присутствие компании Маккиско как должное – будто бы с самого начала ожидала их всех здесь увидеть.

– Мы с вами встречались в Париже, – сказал Маккиско Эйбу Норту, прибывшему с женой сразу вслед за ними. – Даже дважды.

– Да, припоминаю, – ответил Эйб.

– Где же это было? – продолжил Маккиско, не желая оставлять тему.

– Э-э, кажется… – начал было Эйб, но игра ему уже наскучила. – Не помню.

Этот обмен репликами не смог заполнить образовавшуюся паузу, и, повинуясь инстинкту, Розмари подумала, что кому-то следует что-нибудь сказать, чтобы тактично прервать ее, однако Дик не делал ни малейшей попытки вступить в беседу со вновь прибывшими или хотя бы деликатно осадить миссис Маккиско, взиравшую вокруг с высокомерным любопытством. Он не считал необходимым снять возникшее светское замешательство, поскольку в настоящий момент это было не важно, – ситуация, безусловно, разрешится сама собой. Он берег силы для более значительного момента, чтобы, явив гостям нечто неожиданное, заставить их прочувствовать, какой праздник им уготован.

Розмари стояла рядом с Томми Барбаном, пребывавшим в необычайно – даже по его собственным меркам – саркастическом настроении, для которого у него, судя по всему, были особые причины. Он уезжал на следующее утро.

– Возвращаетесь домой?

– Домой? У меня нет дома. Я еду на войну.

– На какую войну?

– На какую войну? Да на любую. Я давно не читал газет, но полагаю, где-нибудь война идет – без войн никогда не обходится.

– И вам все равно, за что воевать?

– Абсолютно – лишь бы со мной хорошо обращались. Когда я начинаю ощущать зуд, я приезжаю к Дайверам, потому что знаю: проведя с ними несколько недель, точно захочу на войну.

Розмари обомлела от изумления.

– Но ведь вам нравятся Дайверы, – напомнила она ему.

– Разумеется – особенно она, но когда я с ними, мне всегда хочется на войну.

Розмари попыталась осмыслить услышанное, но так и не смогла. Ей самой Дайверы внушали лишь одно желание: всегда быть рядом.

– Вы ведь наполовину американец, – сказала она, словно это могло что-то объяснить.

– А также наполовину француз, а учился я в Англии и с тех пор, как мне стукнуло восемнадцать, успел поносить мундиры восьми стран. Однако надеюсь, у вас не создалось впечатления, будто я не люблю Дайверов, я люблю их, особенно Николь.

– Их невозможно не любить, – просто ответила Розмари.

Она вдруг почувствовала этого человека чужим. Какой-то подтекст, таившийся за его словами, вызвал у нее неприязнь, и она постаралась защитить свое благоговение перед Дайверами от кощунственного злословия Барбана. Хорошо, что не придется сидеть рядом с ним за ужином, подумала она, направляясь вместе с остальными в сад, к накрытому там столу, и продолжая размышлять над его словами «особенно Николь».

В какой-то момент они поравнялись на дорожке с Диком Дайвером, и перед лицом его несокрушимой изящной уверенности все ее сомнения померкли. В течение последнего года – а этот год вобрал главные события всей ее жизни – у Розмари были деньги и определенная известность, она водилась со знаменитостями, и они представлялись ей всего лишь более могущественными, увеличенными копиями тех людей, с которыми докторская вдова и ее дочь общались в парижском пансионе. Розмари была натурой романтической, но ее профессия в этом смысле предоставляла мало возможностей. Миссис Спирс, выбрав в качестве будущего для дочери карьеру, не потерпела бы, чтобы та растрачивала себя на призрачные соблазны, обступавшие ее со всех сторон, да и сама Розмари уже была выше этого – она снималась в кино, но не жила в нем. Поэтому одобрительное по отношению к Дику Дайверу выражение на лице матери означало для нее, что он – «настоящий» и что с ним она может позволить себе зайти как угодно далеко.

– Я наблюдал за вами, – сказал он, и она знала, что это не пустые слова. – Вы нравитесь нам все больше и больше.

– А я с первого взгляда влюбилась в вас, – тихо произнесла она. Он притворился, будто воспринял ее слова как ничего не значащую любезность.

– С новыми друзьями, – сказал он так, словно это было важное утверждение, – зачастую бывает куда интересней, чем со старыми.

Это замечание, смысл которого не вполне до нее дошел, было сделано в момент, когда она уже садилась за стол, выхваченный из темных сумерек медленно разгоравшимися фонарями. Восторженный аккорд зазвучал у нее внутри, когда она увидела, что Дик посадил ее мать справа от себя, сама же она оказалась между Луисом Кэмпьоном и Брейди.

Переполненная эмоциями, она повернулась к Брейди, жаждая поделиться с ним своими чувствами, но при первом же упоминании имени Дика холодная искра, сверкнувшая в его глазах, дала ей понять, что он не намерен становиться ее конфидентом. В ответ она проявила такую же непреклонность, когда он попытался завладеть ее рукой, поэтому в дальнейшем они говорили лишь на профессиональные темы, вернее, говорил он, а она слушала, вежливо глядя на него, мыслями же витая столь очевидно далеко, что он не мог не догадаться об этом. Смысл его речей доходил до нее лишь урывками, остальное всплывало из подсознания – как первые, пропущенные, удары часового боя, о которых догадываешься только по ритму, отложившемуся в памяти.

VII

В паузе Розмари посмотрела на дальний конец стола, где между Томми Барбаном и Эйбом Нортом сидела Николь; ее рыжеватые, как шерсть чау-чау, волосы вскипали и пенились в мерцании свечей. Розмари прислушалась, зачарованная ее низким грудным голосом, изредка ронявшим фразу-другую.

– Бедняга! – воскликнула Николь. – Зачем вам понадобилось распиливать его надвое?

– Естественно, для того, чтобы посмотреть, что там у него внутри. Разве вам не интересно было бы узнать, что находится внутри у официанта?

– Видимо, старые меню, – с усмешкой предположила Николь. – Осколки разбитой посуды, чаевые, огрызки карандаша.

– Совершенно верно, но задача состояла в том, чтобы это научно доказать. И разумеется, сделать это с помощью музыкальной пилы было самым щадящим способом.

– Вы собирались играть на пиле во время проведения операции? – поинтересовался Томми.

– Так далеко нам зайти не удалось – нас испугали его крики. Мы побоялись, что у него может сделаться грыжа.

– Все это звучит для меня очень странно, – сказала Николь. – Любой музыкант, который использует пилу другого музыканта, чтобы…

Застолье длилось еще только полчаса, но уже произошли значительные перемены: один за другим каждый из гостей от чего-то освобождался – от озабоченности, тревоги, подозрительности, теперь все они, обнажив лучшее, что в них было, стали просто гостями Дайверов. Каждый чувствовал, что малейшее проявление недружелюбия или незаинтересованности огорчило бы хозяев, поэтому все старались, и, видя это, Розмари уже почти любила их всех – кроме Маккиско, который упорно не желал вливаться в компанию, не столько из зловредности, сколько из решимости поддерживать хорошее настроение, овладевшее им по приезде, с помощью вина. Откинувшись на спинку стула между Эрлом Брейди, которому адресовал несколько язвительных замечаний насчет кино, и миссис Эбрамс, которую вообще игнорировал, он сидел, уставившись на Дика с выражением убийственной иронии, и время от времени пытался вовлечь его в разговор через весь стол, чем сам же портил эффект.

– Вы, кажется, дружны с Ван Бюреном Денби? – спрашивал он.

– Не припоминаю, чтобы я был с ним знаком.

– А я думал, вы с ним друзья, – раздраженно настаивал Маккиско.

Когда тема мистера Денби исчерпала себя, он попробовал другие, столь же неуместные темы, но каждый раз само почтительное внимание Дика обескураживало его, и после секундной неловкой паузы разговор, который он перед тем прервал, возобновлялся без его участия. Он пытался вклиниться и в другие частные беседы, но это неизменно напоминало попытку пожать пустую перчатку, поэтому в конце концов со снисходительным видом взрослого, попавшего в детское окружение, он отступил и полностью сосредоточился на шампанском.

В перерывах между разговорами Розмари обводила взглядом стол, желая убедиться, что всем хорошо, – словно все они были ее будущими приемными детьми. Мягкий свет, исходивший от лампы, спрятанной в вазе душистых гвоздик, падал на лицо миссис Эбрамс, в меру подрумяненное «Вдовой Клико», исполненное бодрости, благодушия и детской жизнерадостности; рядом с ней сидел мистер Роял Дамфри, в приподнятой вечерней атмосфере его девичья миловидность не казалась столь вызывающей. Дальше – Вайолет Маккиско, чье очарование вдруг всплыло на поверхность будто по мановению волшебной свирели, так что она даже забыла на время о вечно терзавшем ее комплексе жены непреуспевшего карьериста.

Дальше сидел Дик, освободивший своих гостей от груза повседневности и целиком поглощенный устроенным им действом.

Рядом с ним – ее всегда безупречная мать.

Потом Барбан, который с изысканной учтивостью беседовал с миссис Спирс, чем снова завоевал расположение Розмари. За ним – Николь. Розмари вдруг взглянула на нее другими глазами, и ей пришло в голову, что никогда еще она не встречала более красивого человека. В зыбком свете утопленных в сосновой хвое фонарей ее лицо словно лик святой, мадонны викингов, сияло сквозь снежную пелену мошкары, слетавшейся на огонь свечей. Она была спокойна, как сам покой.

Эйб Норт трактовал ей о своем моральном кодексе.

– Разумеется, он у меня есть, – втолковывал он. – Мужчина не может жить без морального кодекса. Мой состоит в том, что я – противник сожжения ведьм. Каждый раз, когда где-то сжигают ведьму, я прихожу в бешенство.

От Брейди Розмари знала, что Эйб – композитор, после блестящего раннего дебюта за семь последующих лет ничего не написавший.

За Эйбом Нортом сидел Кэмпьон, которому каким-то образом удавалось сдерживать свои самые вульгарные проявления женоподобия и даже демонстрировать по отношению к соседям что-то вроде бескорыстной материнской заботливости. За ним – Мэри Норт с таким радостно-веселым лицом, что невозможно было не ответить улыбкой на ее улыбку, сверкавшую белыми зеркальцами зубов, – все ее лицо вокруг полуразомкнутых губ являло собой маленький ореол удовольствия.

И наконец, Брейди, манера общения которого с каждой минутой становилась все более компанейской и все менее напоминала его обычное напористое желание кичиться нерушимостью своего душевного здоровья и твердое намерение сохранять его, решительно отмежевавшись от душевной хрупкости других.

Розмари, наивно-доверчивая, как дитя из душещипательных сочинений миссис Бернетт, чувствовала себя так, словно вернулась домой, побывав на Диком Западе и наслушавшись там скабрезных шуточек суровых мужчин. В вечернем сумраке кружили светлячки, где-то на дальнем нижнем уступе лаяла собака. Казалось, что стол, как танцплощадка, выдвинутая вверх особым механизмом, чуточку воспарил к небу, и те, кто сидел за ним, ощутили, будто они остались единственными живыми существами во тьме Вселенной, которая одна питает и согревает их. И тут неожиданно прозвучавший в тишине сдавленный смешок миссис Маккиско словно бы послужил сигналом того, что отрешенность от мира свершилась: Дайверы, как бы стремясь возместить своим гостям все то из оставленного на земле, о чем те могли еще тосковать, вдруг начали с новой силой излучать тепло и свет, обволакивая ими присутствующих, и так уже обласканных хозяйской милостью и смутно ощущавших собственную значительность. На мгновение показалось, что хозяева одновременно разговаривают с каждым сидящим за столом в отдельности и со всеми вместе, ни у кого не оставляя сомнений в своей дружбе и привязанности. И все вмиг обратили к ним лица, как дети бедняков – к рождественской елке. Затем так же внезапно все оборвалось – момент бесстрашного душевного подъема и прорыва в атмосферу возвышенных чувств закончился раньше, чем участники застолья

успели надышаться им и даже просто осознать, что он действительно был.

Но разлитое в воздухе сладкое волшебство жаркого юга – мягкая поступь ночи и плеск невидимого средиземноморского прибоя далеко внизу – осталось, растворившись в Дайверах и сделавшись их неотъемлемой частью. Розмари заметила, как Николь настоятельно уговаривает ее мать принять в подарок понравившуюся той желтую вечернюю сумочку – «Я считаю, что вещь должна принадлежать тому, кому она доставляет удовольствие», – куда она бросала все желтое, что попадалось под руку: карандаш, тюбик губной помады, маленькую записную книжечку – «потому что все это друг другу подходит».

Потом Николь исчезла, а вскоре Розмари заметила, что и Дика тоже нет; гости рассредоточились по саду или потянулись к террасе.

– Вам не нужно в туалетную комнату? – обратилась к Розмари Вайолет Маккиско.

– Пока нет.

– А мне нужно посетить уборную, – не стесняясь, заявила миссис Маккиско. Будучи женщиной, презирающей условности, она открыто направилась в дом, не скрывая, куда идет. Розмари неодобрительно посмотрела ей вслед. Эрл Брейди предложил Розмари спуститься к обрыву, но она решила, что настала ее очередь получить долю внимания Дика, когда тот появится снова, поэтому осталась, прислушиваясь к спору Маккиско с Барбаном.

– Почему вы так жаждете воевать с Советами? – удивлялся Маккиско. – Это же величайший эксперимент, когда-либо предпринимавшийся человечеством. А Рифская республика? По мне так героичней было бы сражаться на стороне тех, за кем справедливость.

– А откуда вам знать, на чьей она стороне? – сухо поинтересовался Барбан.

– Ну, вообще-то каждый разумный человек это знает.

– Вы коммунист?

– Я социалист, и я сочувствую России.

– А я солдат, – с любезной улыбкой отвечал Барбан. – Мое дело – убивать людей. Против рифов я воевал, потому что я европеец, а против коммунистов – потому что они хотят отнять у меня мою собственность.

– Все это предрассудки… – Маккиско с ироническим выражением лица огляделся в поисках поддержки, но единомышленников не нашел. Он не понимал того, с чем столкнулся в лице Барбана, – ни его идейной ограниченности, ни сложности его биографии и воспитания. Маккиско знал, что такое идеи, и по мере своего умственного развития учился распознавать и сортировать все большее их количество, однако перед лицом человека, которого считал «тупицей», вообще не имеющим внятных идей, но по отношению к которому тем не менее почему-то не испытывал превосходства, он растерялся и пришел к поспешному выводу, что тот является конечным продуктом архаического мира и как таковой ничего не стоит. Из общения с представителями высших классов в Америке Маккиско вынес свойственный им сомнительный и не имеющий определенной цели снобизм, их кичливое невежество и нарочитую грубость, почерпнутые ими у англичан без учета тех факторов, которые придают смысл английским филистерству и грубости, и бездумно практиковал эти качества в стране, где даже минимальные образованность и воспитанность позволяют добиться большего, чем где бы то ни было еще, – квинтэссенцией подобной системы общественных условностей стал вошедший в моду в девятисотых «гарвардский стиль». Именно за такого человека он и принял Барбана, забыв во хмелю, что его следует опасаться, и загнав себя, таким образом, в весьма неприятную ситуацию.

Испытывая смутную неловкость за Маккиско, Розмари, с виду спокойная, а на самом деле чувствовавшая себя как на раскаленных углях, ждала возвращения Дика Дайвера. Со своего места за почти опустевшим столом, где, кроме нее, оставались только Барбан, Маккиско и Эйб, она смотрела на каменную террасу в конце дорожки, окаймленной тенистыми миртами и папоротниками, любовалась профилем матери на фоне освещенной двери и уже готова была направиться туда, когда из дома поспешно выбежала миссис Маккиско.

Она казалась очень возбужденной. По тому, как она молча выдвинула стул и плюхнулась на него, тараща глаза и безмолвно шевеля губами, было нетрудно догадаться, что ее распирает от новостей, поэтому, естественно, все взгляды устремились на нее, когда муж обратился к ней с вопросом: «Что случилось, Вай?»

– Господи… – вымолвила она наконец и, повернувшись к Розмари, повторила: – Господи… Нет, ничего. Я не могу вам рассказать.

– Вы среди друзей, – подбодрил ее Эйб.

– Ох, там, наверху, я видела такую сцену, мои дорогие…

Загадочно тряся головой, она запнулась и как раз вовремя, потому что Томми уже встал и с ледяной вежливостью заметил:

– То, что происходит в этом доме, обсуждать не рекомендуется.

VIII

Вайолет громко, тяжело вздохнула и усилием воли сменила выражение лица.

Наконец вернулся Дик; с безошибочной интуицией почуяв неладное, он словно рефери на ринге вклинился между Барбаном и Маккиско и заговорил с последним о литературе, нарочито изображая полную неосведомленность и любознательность, чем подарил ему на миг вожделенное ощущение собственного превосходства. Все медленно двинулись к террасе, неся фонари – кто же откажется помочь осветить путь в темноте? Розмари тоже несла фонарь, терпеливо отвечая на неиссякающие вопросы Рояла Дамфри о Голливуде.

Теперь-то, думала она, я точно заслужила право побыть с ним немного наедине. Он должен это понимать, потому что живет по тем же законам, каким учила меня мама.

Розмари оказалась права – вскоре, оставив собравшуюся на террасе компанию, Дик, бережно поддерживая, повел ее к обрыву даже не по ступенькам, а скорее по располагавшимся на разных расстояниях друг от друга выбоинам в скале, по некоторым из них она спускалась не без труда, на другие легко спрыгивала.

Они стояли, глядя на Средиземное море. Далеко внизу последний туристский кораблик с Леринских островов плыл через бухту, словно улетевший у кого-то на празднике Четвертого июля воздушный шар по небу. Он скользил между чернеющих островов, мягко рассекая темную морскую гладь.

– Теперь я понимаю, почему вы так говорили о своей матери, – сказал Дик. – Думаю, она очень правильно ведет себя с вами. Подобная родительская мудрость – большая редкость в Америке.

– Моя мама – совершенство, – благоговейно произнесла Розмари.

– Я говорил с ней о некоторых своих планах, и она сказала, что только от вас зависит, сколько вы еще пробудете во Франции.

От вас, едва не призналась вслух Розмари.

– Так вот, поскольку здесь все подошло к концу…

– К концу? – встрепенулась она.

– Эта часть лета подошла к концу. На прошлой неделе уехала сестра Николь, завтра уезжает Томми Барбан, в понедельник – Эйб и Мэри Норт. Вероятно, нас ждет еще много интересного, но уже не здесь. Сентиментальное увядание не по мне, я хотел, чтобы эта часть лета завершилась бурно – затем и устроил эту вечеринку. Это я к тому, что мы с Николь собираемся в Париж – проводить Эйба Норта, он отплывает в Америку. Не хотите ли и вы к нам присоединиться?

– А что сказала мама?

– Мне показалось, ей очень понравилась моя идея. Сама она ехать не желает, но хочет, чтобы вы поехали.

– Я не была в Париже со времен моего детства, – сказала Розмари. – Оказаться там с вами было бы чудесно.

– Очень любезно с вашей стороны. – Ей показалось или в его голосе действительно вдруг послышались металлические нотки? – Конечно же, мы с любопытством наблюдали за вами с самого момента вашего появления на пляже и решили – особенно в этом была уверена Николь, – что эта ваша живость и энергия – от профессии. Один человек и даже небольшая компания не способны ее исчерпать.

Интуиция подсказывала ей, что таким образом он старается незаметно переключить ее внимание на Николь, и притормозила, не собираясь, однако, менять колею.

– Мне тоже хотелось познакомиться с вашей компанией – особенно с вами. Я ведь уже сказала, что влюбилась в вас с первого взгляда.

Тактика была выбрана правильно. Но необъятность пространства между небом и землей уже охладила его разум, подавила импульс, побудивший его привести ее сюда, заставила осознать избыточность ее откровенности и возвести заслон перед этой незапланированной сценой с непредусмотренными репликами.

Теперь он пытался сделать так, чтобы она пожелала вернуться в дом, но это было трудно, да и самому ему не хотелось терять ее. Она лишь ощутила легкий холодок, когда он добродушно пошутил:

– Сами вы не решите, чего вам хочется. Пойдите спросите об этом свою маму.

Ее словно ударили. Она прикоснулась к рукаву его темного пиджака, гладкость ткани которого под пальцами вызвала мысль о церковном облачении. Готовая, казалось, пасть на колени, она сделала последний выстрел:

– В моем представлении вы – самая замечательная личность, какую мне доводилось знать, – кроме моей мамы.

– Вы смотрите на мир романтическим взглядом.

Он рассмеялся, и этот смех подхватил их и понес на террасу, где Дик передал Розмари попечению Николь…

Слишком скоро настала пора прощаться, и Дайверы позаботились о том, чтобы все быстро добрались домой. В их просторную «Изотту» уселись Томми Барбан с вещами – ему предстояло провести ночь в отеле, чтобы успеть на ранний утренний поезд, – миссис Эбрамс, чета Маккиско и Кэмпьон. Эрл Брейди должен был по пути в Монте-Карло завезти Розмари с матерью в отель, Роял Дамфри тоже поехал с ними, поскольку в машине Дайверов ему места не хватило. Садовые фонари еще освещали стол, за которым только что ужинали гости, а

Дайверы стояли рядышком в воротах: теплая улыбка Николь озаряла сумрак ночи, Дик каждому персонально, называя по имени, желал всего доброго. Розмари было больно уезжать, оставляя их вдвоем в общем доме. И что же такое увидела миссис Маккиско в туалетной комнате, снова подумала она.

IX

Ночь, словно гондола воздушного шара, свисавшая с одинокой тусклой звезды, была темной, но прозрачной. Сквозь уплотнившийся воздух звук клаксона ехавшего впереди автомобиля доносился приглушенно. Шофер Брейди вел машину осторожно; задние габаритные огни «Изотты» появлялись время от времени на поворотах, потом опять исчезали. Но минут через десять они высветились снова, на этот раз у обочины, неподвижные. Водитель Брейди тоже притормозил, но передняя машина тут же тронулась, правда, медленно, так что они стали ее обгонять и, поравнявшись, услышали неразборчивый гул голосов в глубине лимузина и увидели, что водитель Дайверов тихо ухмыляется. Набрав скорость, они помчались вперед сквозь набегавшие валы черноты, перемежавшиеся жидко серевшими просветами, и наконец, миновав участок крутых спусков и поворотов, напоминавших «русские горки», остановились перед темным массивом отеля Госса.

Подремав часа три, Розмари лежала без сна – ей представлялось, что поток лунного света качает ее на своей поверхности. Окруженная эротической тьмой, она представляла себе будущее, и перед ней стремительно проносились вероятные события, которые оно сулило, вплоть до поцелуя, но поцелуй был ненастоящим, как в кино. Впервые испытывая бессонницу, она ворочалась с боку на бок, пытаясь осмыслить ситуацию, как сделала бы ее мать. В такие моменты она порой проявляла проницательность, выходящую за пределы ее жизненного опыта, – помогали отложившиеся в подсознании отголоски их прежних разговоров.

Розмари была воспитана в почитании трудолюбия. Скромные средства, оставленные покойными мужьями, миссис Спирс тратила исключительно на образование дочери и, когда в шестнадцать лет со своей восхитительной копной волос она расцвела во всей красе, повезла ее в Экс-ле-Бен и без предварительной договоренности явилась с ней в номер люкс американского режиссера, отдыхавшего на тамошнем курорте после болезни. Когда режиссеру настала пора возвращаться в Нью-Йорк, они отправились вслед за ним. Так

Розмари выдержала свой вступительный экзамен. Последовавший за этим успех и перспектива относительной финансовой стабильности позволили миссис Спирс прошлым вечером, не облекая в конкретные слова, дать понять дочери: «Я растила тебя для труда – не для замужества. Теперь тебе попался первый крепкий орешек, и он стоит того, чтобы попробовать его расколоть. Что ж, вперед! И что бы ни случилось, это лишь прибавит тебе опыта. Причинишь ли ты боль себе или ему – тебя это уже не сломит, потому что ты человек материально независимый и в этом смысле стоишь в жизни скорее на позиции юноши, нежели девушки».

Розмари никогда особо ни о чем не размышляла – разве что о безграничных совершенствах своей родительницы, поэтому решение матери окончательно разорвать связывавшую ее с дочерью пуповину встревожило и лишило ее сна. Когда едва занимавшийся рассвет прижал небо к высоким французским окнам, Розмари, встав с постели, вышла на террасу, ощутив босыми ступнями тепло не успевшего остыть за ночь камня. Воздух был наполнен таинственными звуками; в кроне дерева, склоненного над кортом, настырная птица сварливо праздновала какую-то победу; позади отеля чьи-то шаги протопали сначала по пыльной тропинке, потом по гравию, потом по цементным ступеням – и назад в обратном порядке. За чернильной поверхностью бухты, на холме, нависавшем над водой непроницаемой тенью, жили Дайверы. Она представила их вместе, тихо напевающими песню, эфемерную, как восходящая струйка дыма, как отголосок древнего чужеземного гимна. Их дети спят, ворота заперты на ночь.

Она вернулась в дом, надела светлое платье, сандалии и, снова выйдя на террасу, пошла по ней к главному входу, стараясь быстрей миновать окна других номеров, все еще дышавших сном. При виде фигуры, сидевшей на ступеньках широкой белой лестницы парадного входа, она остановилась, но тут же поняла, что это Луис Кэмпьон и что он плачет. Он плакал беззвучно и горько, его тело сотрясалось совершенно так же, как сотрясается тело рыдающей женщины. Розмари невольно вспомнилась сцена из фильма, в котором она сыграла годом раньше, и, подойдя, она тронула Кэмпьона за плечо. Тот вскрикнул от неожиданности, но сразу узнал ее.

– Что случилось? – Ее взгляд был спокойным и доброжелательным, лишенным назойливого любопытства. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Никто не может мне помочь. Это только моя вина. И ведь знал! Всегда одно и то же.

– Что произошло, можете мне рассказать?

Кэмпьон поднял голову и взглянул на нее в раздумье.

– Нет, – решил он. – Станете старше – сами узнаете, какие страдания испытывает тот, кто любит. Это адская мука. Лучше уж быть молодым и бездушным, чем любить. Со мной и раньше такое случалось, но никогда еще вот так, внезапно, когда ничто не предвещало беды.

В быстро прибывающем свете зрелище казалось отвратительным. Ни единая мышца не дрогнула на лице Розмари, ничем не выдала она вдруг охватившего ее неосознанного чувства неприязни. Но Кэмпьон чутко уловил его и неожиданно сменил тему:

– Эйб Норт где-то здесь поблизости.

– Как, разве он не у Дайверов?

– С утра уже приехал сюда. А вы разве не в курсе того, что случилось?

Двумя этажами выше вдруг распахнулись ставни, и незнакомый голос с характерным британским произношением пронзительно крикнул:

– Нельзя ли потише!

Розмари и Луис Кэмпьон пристыженно спустились по лестнице и уселись на скамейке у дорожки, ведущей к морю.

– Так, значит, вы совсем ничего не знаете о том, что произошло? Дорогая моя, случилось невероятное… – В предвкушении интригующего рассказа он начал успокаиваться. – Никогда не видел, чтобы события развивались столь стремительно – я вообще стараюсь держаться подальше от людей вспыльчивых, они так расстраивают меня, что я порой могу заболеть и надолго слечь в постель.

Он торжествующе посмотрел на нее. Розмари никак не могла взять в толк, о чем это он.

– Моя дорогая, – Кэмпьон подался вперед всем телом и, склонившись к ней, коснулся ее бедра, дав понять, что это не просто бессознательный жест, – теперь он был весьма самоуверен. – Здесь состоится дуэль.

– Что-о-о?!

– Дуэль на… впрочем, мы пока еще не знаем, каково будет оружие.

– И кто же собирается драться?

– Я расскажу вам все по порядку. – Он сделал глубокий вдох, длинный выдох и произнес так, словно понимал, что она ему не поверит, но заранее прощал ее за это. – Ну да, вы же ехали в другом автомобиле. Что ж, в некотором роде вам повезло – мне это наверняка сократило жизнь минимум года на два, так скоропалительно все случилось.

– Что случилось? – нетерпеливо спросила она.

– Не знаю, с чего и начать. В общем, она завела разговор…

– Кто – она?

– Вайолет Маккиско. – Он понизил голос, будто кто-то спрятавшийся под скамейкой мог его подслушать. – Но упаси вас бог упоминать Дайверов, потому что он пригрозил каждому, кто хотя бы заикнется о них, страшной карой.

– Кто пригрозил?

– Томми Барбан. Только не проговоритесь, что я вообще упоминал их фамилию. Мы так и не поняли, что хотела рассказать Вайолет, потому что он без конца ее перебивал, а потом за нее вступился муж, и теперь, моя дорогая, мы имеем дуэль. Сегодня утром, в пять часов, то есть уже через час. – Он вздохнул, судя по всему, вдруг вспомнив о собственных горестях. – Мне почти хотелось бы оказаться на его месте. Лучше бы меня убили, потому что мне незачем больше

жить. – Он всхлипнул и стал скорбно раскачиваться взад-вперед.

Наверху снова лязгнул железный ставень, и тот же голос с характерным британским произношением крикнул:

– Да прекратите же вы, наконец!

Как раз в этот момент из отеля вышел немного растерянный Эйб Норт. Оглядевшись, он заметил их на фоне уже побелевшего над морем неба, но прежде чем он успел что-либо сказать, Розмари предостерегающе покачала головой, и они переместились на другую скамейку, подальше от дома. Было заметно, что Эйб навеселе.

– А вы-то почему не спите? – спросил он.

– Я только что встала. – Розмари рассмеялась было, но, вспомнив о сердитом британце наверху, осеклась.

– «Измученная соловьем»[6 - «Plagued by the Nightingale» (англ.) – роман американской писательницы Кей Бойл (Kay Boyle), вышедший в 1931 г.], – припомнил Эйб и повторил: – Да, должно быть, измученная соловьем. Этот член кружка кройки и шитья уже доложил вам, что произошло?

– Я знаю только то, что слышал собственными ушами, – с достоинством выпалил Кэмпьон, встал и быстро удалился. Эйб сел рядом с Розмари.

– Почему вы так плохо с ним обращаетесь? – спросила она.

– Разве плохо? – удивился Эйб. – Хнычет здесь все утро.

– Может, он чем-то опечален.

– Может быть.

– А что за дуэль? Кто собирается драться? Я вообще-то догадалась вчера, что в машине происходит что-то странное. Но неужели это правда?

– Идиотизм, конечно, но представьте себе – правда.

X

– Ссора вспыхнула незадолго до того, как машина Эрла Брейди обогнала дайверовский автомобиль, остановившийся у обочины. – Бесстрастный голос Эйба таял в предутренней мгле. – Вайолет Маккиско принялась рассказывать миссис Эбрамс о чем-то, что она узнала про Дайверов. Поднимаясь у них в доме по лестнице, она увидела нечто ошеломившее ее. Томми же, когда речь заходит о Дайверах, превращается в цепного пса. Вообще-то в чете Дайверов ее роль не менее вдохновляюща и значительна, чем его, но у них все взаимосвязано, и как единое целое они значат для своих друзей гораздо больше, чем многие из них сознают. Безусловно, что-то при этом теряется – иногда они кажутся просто очаровательными балетными персонажами, заслуживающими внимания не больше, чем балетный спектакль, но на самом деле это не так – тут нужно знать историю. Так или иначе, Томми – один из тех мужчин, которые беззаветно преданы Николь благодаря дружбе с Диком, и когда миссис Маккиско начала судачить, он ее осадил:

«Миссис Маккиско, извольте прекратить разговор о Дайверах».

«А я не с вами разговариваю», – огрызнулась та.

«И все-таки прошу вас оставить их в покое».

«А что, они неприкасаемы?»

«Оставьте их в покое! Поговорите о чем-нибудь другом».

Он сидел на одном из двух откидных сидений рядом с Кэмпьоном. Кэмпьон-то мне все и рассказал.

«А что это вы раскомандовались?» – не стерпела Вайолет.

Вы знаете, как это бывает, когда поздно ночью люди возвращаются из гостей в одной машине: кто-то тихо переговаривается, кто-то ни на что не обращает внимания, устав от разговоров и задремав. В общем, никто не отдавал себе

отчета в происходящем до тех пор, пока машина не остановилась и Барбан не закричал зычным кавалерийским голосом, от которого все вздрогнули:

«Ну-ка выходите из машины, пока я вас не выволок, – до отеля осталось не больше мили, пешком дойдете. И немедленно заткнитесь сами и заткните рот своей жене!»

«Да вы просто хулиган, – сказал Маккиско. – Вы, конечно, физически сильней меня, но я вас не боюсь. Жаль, что у нас не приняты дуэли…»

Это было ошибкой с его стороны, потому что Томми, будучи французом, мгновенно наклонился и влепил ему пощечину, после чего шофер счел за благо поскорей довезти своих пассажиров до пункта назначения. Вот что происходило в машине, когда вы ее обгоняли. Тут женщины подняли вой, и вся эта катавасия продолжалась, пока лимузин не подкатил к отелю.

Томми вызвал из Канна какого-то своего приятеля в качестве секунданта, а Маккиско, заявив, что не желает брать в секунданты Кэмпьона – да тот и не стал бы участвовать в подобном безумии, – позвонил мне и, ничего толком не объяснив, попросил немедленно приехать. Вайолет Маккиско стало дурно, миссис Эбрамс увела ее в свой номер и дала успокоительное, после чего та благополучно заснула на ее постели. По приезде я пытался урезонить Томми, но он требовал извинений от Маккиско, а тот в хмельном кураже наотрез отказывался их принести.

Когда Эйб замолчал, Розмари задумчиво поинтересовалась:

– А Дайверы знают, что все это из-за них?

– Нет и не должны никогда узнать. Этому чертову Кэмпьону не следовало и вам об этом рассказывать, но раз уж он это сделал… А шоферу я пригрозил, что пущу в ход свою музыкальную пилу, если он только откроет рот. Это дело не касается никого, кроме двух мужчин. Чего жаждет Томми, так это веселой войны.

– Будем надеяться, что Дайверы ничего не узнают, – сказала Розмари.

Эйб взглянул на часы.

– Мне нужно пойти проведать Маккиско – хотите со мной? Наверняка он чувствует себя всеми покинутым, бьюсь об заклад – глаз не сомкнул.

Розмари представила себе состояние, в каком, должно быть, пребывал этот нервный неорганизованный человек. Поколебавшись между сочувствием и антипатией, она согласилась и по-утреннему энергично взбежала по лестнице вслед за Эйбом.

Маккиско, белый как мел, сидел на кровати, его пьяный кураж начисто испарился, хотя он и держал в руке бокал с шампанским. Вид у него был жалкий и злой. Видимо, он всю ночь что-то писал и пил. Смущенно взглянув на Эйба и Розмари, он спросил:

– Что, пора?

– Нет, полчаса еще есть.

Стол был усеян листками бумаги, которые он не без труда собрал, – видимо, они представляли собой длинное письмо; на последних страницах почерк стал размашистым и неразборчивым. В потускневшем под напором утра электрическом свете он нацарапал внизу свое имя, засунул листки в конверт и вручил его Эйбу.

– Это моей жене.

– Вы бы лучше окунули голову в холодную воду, – посоветовал Эйб.

– Думаете? – с сомнением произнес Маккиско. – Мне бы не хотелось быть слишком трезвым.

– Но сейчас у вас ужасный вид.

Маккиско послушно поплелся в ванную.

– Я оставляю дела в жутком беспорядке, – крикнул он оттуда. – Не знаю, как Вайолет одна доберется до Америки. У меня даже страховки нет. Я так о ней и не позаботился.

– Не говорите ерунды, через час вы будете здесь благополучно завтракать вместе.

– Конечно, я знаю. – Он вернулся с мокрыми волосами и посмотрел на Розмари, словно впервые заметил ее. И вдруг его глаза наполнились слезами. – Мой роман так и останется незавершенным. Это тяжелее всего. Я вам не нравлюсь, – сказал он, обращаясь к Розмари, – но с этим ничего не поделаешь. Я – прежде всего литератор. – Он как-то уныло хмыкнул и безнадежно покачал головой. – Много я наделал глупостей в жизни, очень много. Но я был одним из самых известных… в определенном смысле…

Решив не продолжать, он попытался раскурить погасшую сигарету.

– Вы мне нравитесь, – попыталась успокоить его Розмари, – но я думаю, что вам не следует драться на дуэли.

– Да, нужно было просто отметелить его, но теперь уж поздно. Я позволил втянуть себя в то, на что не имею права. У меня очень взрывной характер… – Он пристально посмотрел на Эйба, словно ждал возражений, и с сатанинским смехом поднес к губам потухший окурок. Его дыхание участилось.

– Беда в том, что я сам предложил эту дуэль… Ах, если бы Вайолет не раскрывала рта, я мог бы все уладить. Конечно, я и теперь еще мог бы просто уехать или обратить все в шутку, но, думаю, Вайолет перестала бы меня уважать.

– Напротив, – подхватила Розмари, – она станет уважать вас еще больше.

– Нет. Вы не знаете Вайолет. Стоит ей почувствовать свое превосходство над кем-нибудь – и она становится непреклонной. Мы женаты двенадцать лет, у нас была дочь, которая умерла семи лет от роду, и после этого… знаете, как это бывает. Мы оба немного погуляли на стороне, ничего серьезного, но какая-то отчужденность осталась… Вчера там она назвала меня трусом.

Розмари не знала, что сказать.

– Ладно, мы позаботимся о том, чтобы последствия всего этого были минимальными, – проговорил Эйб, открывая кожаный футляр. – Это дуэльные пистолеты Барбана – я взял их, чтобы вы могли с ними освоиться заранее. Он повсюду возит их с собой. – Эйб взвесил в руке одно из допотопных орудий. Розмари испуганно вскрикнула, а Маккиско взглянул на пистолет с опаской.

– Господи, неужели обязательно дырявить друг друга из сорок пятого калибра? – воскликнул он.

– Не знаю, – жестоко ответил Эйб. – Считается, что из длинноствольного оружия целиться легче.

– А с какой дистанции? – спросил Маккиско.

– Я задавал этот вопрос. Если противники договариваются драться до смерти, обычно устанавливают дистанцию в восемь шагов, если хотят лишь разрядить злобу – двадцать, а если только отстоять свою честь – сорок. Мы с его секундантом сошлись на сорока.

– Это хорошо.

– В одной повести Пушкина описана необычная дуэль[7 - Неточность автора. Подобная дуэль описана в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».], – вспомнил Эйб. – Каждый из дуэлянтов стоял на краю пропасти, так что даже легкораненый неминуемо был обречен на гибель.

Маккиско эта реминисценция показалась слишком отдаленной и академичной.

– Что? – рассеянно переспросил он.

– Нет, ничего. Не хотите окунуться в море, чтобы освежиться?

– Нет-нет, я не умею плавать. – Маккиско вздохнул и беспомощно добавил: – Все это какая-то бессмыслица. Не понимаю, зачем я это делаю.

Впервые в жизни ему действительно приходилось что-то делать. Он был одним из тех людей, для которых чувственный мир не существует, и столкновение с конкретным проявлением этого мира повергло его в полное недоумение.

– Ну, можно ехать, – сказал Эйб, видя, что Маккиско начинает терять мужество.

– Хорошо. – Маккиско отхлебнул добрый глоток бренди, положил фляжку в карман и спросил почти свирепо: – Что будет, если я убью его – меня посадят в тюрьму?

– Не бойтесь, я переведу вас через итальянскую границу.

Маккиско мельком взглянул на Розмари и сконфуженно обратился к Эйбу:

– Прежде чем мы отправимся, я хотел бы кое о чем поговорить с вами наедине.

– Надеюсь, ни один из вас не будет ранен, – сказала Розмари, уходя. – Но вообще я считаю, что все это страшная глупость и что вам нужно постараться отменить дуэль.

XI

Внизу, в вестибюле, не было никого, кроме Кэмпьона.

– Я видел, что вы поднялись наверх, – взволнованно затараторил он. – Ну что там? Когда состоится дуэль?

– Не знаю. – Ей было противно, что он говорит об этом, как о каком-то цирковом представлении, в котором Маккиско исполняет роль трагического клоуна.

– Поедемте со мной, – предложил он с видом человека, у которого есть лишний билет. – Я зарезервировал гостиничную машину.

– Не хочу.

– Ну почему? Уверен, это сократит мне жизнь на несколько лет, но я ни за что не пропущу такое событие. Мы сможем наблюдать за происходящим издали.

– Почему бы вам не пригласить мистера Дамфри?

Кэмпьон выронил монокль, который на сей раз не нашел убежища в пышных волосяных зарослях, и надменно выпрямился.

– Не желаю его больше видеть, никогда.

– Ну что ж, боюсь, я не смогу составить вам компанию. Маме это не понравится.

Когда Розмари вошла в свою комнату, миссис Спирс, сонно зашевелившись в постели за стеной, окликнула ее:

– Где ты была?

– Мне просто не спалось. А ты спи, мама.

– Зайди ко мне. – Услышав, что мать села в кровати, Розмари зашла к ней и рассказала о том, что случилось.

– А почему бы тебе и впрямь не поехать? – предложила миссис Спирс. – Близко подходить не обязательно, но ты могла бы в случае необходимости потом оказать помощь.

Розмари было неприятно представлять себя в роли соглядатая, и она покачала головой, но на миссис Спирс, еще не совсем очнувшуюся ото сна, наплывали воспоминания о ночных вызовах ее покойного мужа-врача к постели умирающего или на место катастрофы. – Мне бы хотелось, чтобы ты сама, без меня решала, куда тебе ездить и что делать, – ты ведь делала кое-что и потруднее для рекламных трюков Рейни.

Розмари по-прежнему не понимала, почему должна ехать, но привычно повиновалась уверенному отчетливому голосу, который в свое время заставил ее, в двенадцатилетнем возрасте, пройти через служебный вход парижского театра «Одеон», а потом приветствовал на выходе.

Она было испытала облегчение, выйдя на крыльцо и увидев, как отъезжают Эйб и Маккиско, но в следующий момент из-за угла показался гостиничный автомобиль, и Луис Кэмпьон с радостным криком затащил ее внутрь.

– Я прятался за углом – боялся, что они не позволят нам поехать. Смотрите, у меня есть кинокамера.

Она беспомощно рассмеялась. Кэмпьон был настолько мерзок, что уже даже не казался мерзким – просто он и человеком-то не был.

– Интересно, почему миссис Маккиско так взъелась на Дайверов? – спросила Розмари. – Ведь они были с ней исключительно милы.

– О, дело не в этом. Она там что-то увидела. Правда, из-за Барбана мы никогда не узнаем, что именно.

– Значит, не это вас так расстроило?

– Нет, конечно, – сказал он срывающимся голосом, – это было совсем другое, и случилось оно уже по возвращении в отель. Но теперь мне все равно – я с этим покончил.

Они следовали за впереди идущей машиной на восток вдоль берега, мимо Жуан-ле-Пена, где возвышался каркас строящегося казино. Был пятый час утра, под серо-голубым небом первые рыбачьи лодки, поскрипывая, уже скользили по сизой поверхности моря. Свернув с шоссе, машины стали удаляться от берега.

– Поле для гольфа! – воскликнул Кэмпьон. – Уверен, здесь все и будет происходить.

Он оказался прав. Когда машина Эйба остановилась, восточный край неба уже окрасился в желтые и красные тона, обещая знойный день. Велев завести гостиничную машину в сосновую рощицу, Розмари и Кэмпьон, укрываясь в тени деревьев, подошли к краю выгоревшего от солнца поля, по которому расхаживали Эйб и Маккиско; последний, словно принюхивающийся кролик, все время настороженно вытягивал шею. Вскоре у дальней лунки появились фигуры, в которых наблюдатели узнали Барбана с его секундантом, секундант нес под

мышкой футляр с пистолетами.

В явном смятении Маккиско попятился за спину Эйба и отхлебнул приличный глоток бренди из фляжки, после чего, давясь и откашливаясь, решительно зашагал навстречу противнику, однако Эйб остановил его и сам вышел вперед переговорить с французом. Солнце уже взошло над горизонтом.

Кэмпьон схватил Розмари за руку.

– Я этого не вынесу, – почти беззвучно пропищал он. – Это слишком. Мне это будет стоить…

– Пошли, – повелительно сказала Розмари и лихорадочно зашептала молитву по-французски.

Дуэлянты встали лицом друг к другу. У Барбана рукав рубашки был засучен до локтя, глаза беспокойно сверкали, отражая солнечный свет, но настроение было решительным. Он вытер ладонь о штанину. Маккиско, которому бренди, судя по всему, придало бесшабашной храбрости, стоял, сложив губы трубочкой и с напускным безразличием задрав свой длинный нос, пока вперед не выступил Эйб с носовым платком в руке. Секундант-француз смотрел в другую сторону. Затаив дыхание, страшно расстроенная происходящим Розмари скрежетала зубами от ненависти к Барбану. И тут раздался напряженный голос Эйба:

– Один, два, три!

Выстрелы прозвучали одновременно. Маккиско покачнулся, но устоял. Оба промахнулись.

– Достаточно! – крикнул Эйб.

Участники дуэли сошлись, и все вопросительно посмотрели на Барбана.

– Я не удовлетворен, – заявил тот.

– Что? Разумеется, вы удовлетворены, – раздраженно возразил Эйб. – Просто вы этого еще не осознали.

– Ваш приятель отказывается от второго выстрела?

– Да, Томми, черт бы вас побрал! Вы настаивали на дуэли, и мой подопечный ответил на ваш вызов.

Томми презрительно рассмеялся.

– Дистанция была смехотворной, – сказал он. – Я не привык к подобным фарсам, вашему доверителю не следует забывать, что он не в Америке.

– Насчет Америки поосторожней! – резко одернул его Эйб и примирительно добавил: – Ну ладно, Томми, хватит уже. – Они быстро о чем-то переговорили, после чего Барбан кивнул и издали холодно поклонился недавнему неприятелю.

– А руки пожать друг другу? – напомнил французский доктор.

– Они уже знакомы, – съязвил Эйб и повернулся к Маккиско: – Поехали отсюда.

Когда они покидали поле, Маккиско в возбуждении схватил его за руку.

– Постойте! – сказал Эйб. – Нужно вернуть Томми пистолет. Он может ему еще понадобиться.

Маккиско отдал оружие.

– Пусть катится к черту, – сдавленно произнес он. – Скажите ему, что он может…

– Сказать ему, что вы требуете второго выстрела? – перебил его Эйб.

– Я это сделал! – воскликнул Маккиско, когда они продолжили путь. – И у меня недурно получилось, разве не так? Я не струсил.

– Вы были прилично пьяны, – прямолинейно ответил Эйб.

– Ничего подобного.

– Ну, нет так нет.

– Да какое имеет значение, если я и выпил пару бокалов?

По мере того как к нему возвращалась самоуверенность, взгляд его становился все более неприязненным.

– Какое это имеет значение? – требовательно повторил он.

– Если вы сами не понимаете, нет смысла углубляться в дискуссию.

– Разве вам неизвестно, что на войне все постоянно были пьяны?

– Ладно, давайте оставим это.

Но оказалось, что это еще не конец. У них за спиной послышались торопливые шаги, и вскоре с ними поравнялся доктор.

– Pardon, messieurs, – произнес он, запыхавшись. – Voulez-vous regler mes honorairies? Naturellement c’est pour soins medicaux seulement. Messieur Barban n’a qu’un billet de mille et ne peut pas regler et l’autre a laisse son portemonnaie chez lui[8 - Простите, господа. Нам нужно уладить вопрос с моим гонораром. Разумеется, только за медицинские услуги. У месье Барбана только тысячная банкнота, поэтому он не может расплатиться, а тот, другой господин, забыл дома бумажник (фр.).].

– Француз он и есть француз, – заметил Эйб и, обращаясь к доктору, спросил: – Combien?[9 - Сколько? (фр.)]

– Позвольте мне заплатить, – сказал Маккиско.

– Нет, у меня есть деньги. Мы все рисковали одинаково.

Пока Эйб расплачивался, Маккиско вдруг юркнул в кусты, и его вырвало. Вернувшись бледнее прежнего, он важно зашагал рядом с Эйбом к машине в уже порозовевшем утреннем свете.

Кэмпьон – единственная жертва состоявшейся дуэли – лежал на спине, судорожно хватая ртом воздух, а Розмари, на которую вдруг напал истерический хохот, без конца пинала его сандалией, пока не заставила встать. Единственное, что было для нее теперь важно, – то, что через несколько часов она увидит на пляже человека, которого мысленно все еще называла во множественном числе «Дайверами».

XII

В ожидании Николь они сидели в ресторане «Вуазен» вшестером – Розмари, Норты, Дик Дайвер и два молодых французских музыканта. Они внимательно наблюдали за посетителями – Дик утверждал, что ни один американец, кроме него самого, не способен держаться на публике непринужденно, и они искали пример, который мог бы опровергнуть его утверждение. Однако им не везло – за десять минут ни один мужчина не вошел в ресторан, не прикоснувшись при этом безо всякой надобности к своему лицу.

– Эх, не следовало нам отказываться от нафабренных усов, – пошутил Эйб. – И тем не менее Дик не единственный, кто умеет вести себя непринужденно…

– Единственный, единственный, – перебил его Дик.

– …но допускаю, что он единственный трезвый человек, способный вести себя непринужденно, – закончил фразу Эйб.

Хорошо одетый американец вошел в зал с двумя спутницами, и, решительно устремившись к столу, вновь прибывшие стали шумно и раскованно усаживаться. Но вдруг он заметил, что за ним наблюдают, и его рука тотчас судорожно потянулась поправлять узел несуществующего галстука. Один из двух еще не усевшихся за стол мужчин беспрерывно похлопывал себя по гладко выбритой щеке, другой машинально то подносил к губам, то опускал погасшую сигару. Из тех, что уже устроились на своих местах, кто-то вертел в пальцах очки, кто-то дергал ус, безусый мужчина просто поглаживал верхнюю губу, а один нервно пощипывал мочку уха.

Когда в ресторан вошел известный генерал, Эйб сделал ставку на его вест-пойнтскую выучку, которую каждый слушатель этой военной академии

впитывает в себя всеми порами и от которой никогда уже не может избавиться, и заключил пари с Диком на пять долларов.

Свободно опустив руки вдоль туловища, генерал ждал, когда его проводят к столу. Лишь раз его руки вдруг дернулись назад, словно перед прыжком, и Дик воскликнул: «Ага!», решив, что уже выиграл пари, но генерал моментально восстановил контроль над собой, и все облегченно вздохнули – напряжение спало, официант уже пододвигал гостю стул…

И тут триумфатор немного нервозно вскинул руку и поскреб свою безупречно причесанную седую голову.

– Вот видите, – самодовольно сказал Дик. – Я – единственный.

Розмари в этом и не сомневалась, а Дик, поняв, что никогда у него еще не было более благодарной аудитории, моментально создал за столом такую дружную и веселую атмосферу, что Розмари стали совершенно безразличны все, кто не принадлежал к их кружку. Вот уже два дня они находились в Париже, но фактически оставались все той же пляжной компанией. Когда накануне вечером, на балу Пажеского корпуса, Розмари, которой только еще предстояло побывать на голливудских приемах в отеле «Мейфэр», почувствовала себя неуютно в непривычном шикарном окружении, Дик разыграл сценку, представив ее нескольким избранным гостям, – похоже, у Дайверов был широкий круг знакомых, с которыми они, впрочем, очень редко виделись, потому что каждый из них радостно восклицал при встрече: «О! Где же вы так долго прятались?» – после чего мягко, но решительно отстранив чужаков ироническим coup de gr?ce[10 - Удар милосердия (фр.).], вновь сомкнул стену вокруг своей тесной компании. Вскоре Розмари уже казалось, что она сама знала этих людей в каком-то отдаленном, достойном сожаления прошлом, потом снова случайно встретилась с ними и окончательно отвергла.

Их замкнутое содружество было сверхамериканским, притом, что порой казалось – ничего американского в нем нет. Дик возвращал им их собственную суть, на протяжении многих лет размывавшуюся компромиссами.

В полутьме прокуренного ресторана, наполненного запахами жирных острых блюд, выставленных на буфетной стойке, небесно-голубой костюм Николь скользнул, как случайно заглянувший снаружи фрагмент ясного летнего дня.

Увидев в глазах приятелей восхищение ее красотой, она ответила им сияющей улыбкой признательности. Какое-то время все были очень милы и любезны друг с другом. Потом им это надоело, и они стали насмешничать и язвить, а под конец принялись строить планы. Они смеялись над чем-то, о чем потом толком не могли и вспомнить, смеялись много, и мужчины усидели три бутылки вина. Женское трио за столом охватывало широкий поток американской жизни. Николь была внучкой американского капиталиста, который сделал себя сам, и графа фон Липпе-Вайссенфельда. Мэри Норт – дочерью мастера-обойщика и потомком президента Тайлера. Розмари происходила из самой сердцевины среднего класса, откуда была заброшена матерью на безымянные высоты Голливуда. Сходство их друг с другом и их общее отличие от столь многих американских женщин заключалось в том, что все они охотно и свободно существовали в мужском мире – свою индивидуальность они проявляли через мужчин, а не в противостоянии им. Каждая из них в равной мере могла стать хорошей куртизанкой или хорошей женой не в силу обстоятельств рождения, а в силу более важного обстоятельства: найдет она своего мужчину или нет.

Розмари нравилось обедать в этой приятной компании, тем более что та состояла всего из семи человек – для хорошей компании в самый раз. Вероятно, и для них тот факт, что она была новичком в их мире, играл роль катализатора, проявлявшего что-то из их давних взаимоотношений. Когда обед закончился, официант проводил Розмари в темную утробу, существующую во всех французских ресторанах, где она в тусклом оранжевом свете лампы нашла нужный номер и позвонила в компанию «Франко-американ филмз». Да, безусловно, у них есть копия «Папиной дочки», в настоящий момент она находится в прокате, но через неделю они с удовольствием предоставят ей пленку, нужно лишь приехать на улицу Сент-Анж, 341, и спросить мистера Краудера.

Телефонная полубудка находилась рядом с гардеробом, и, опуская трубку на рычаг, Розмари услышала по другую сторону вешалки, не далее чем в пяти футах от себя, приглушенные голоса.

– Так ты любишь меня?

– О, ты еще сомневаешься!

Розмари узнала голос Николь и, замешкавшись в дверях, услышала, как Дик сказал:

– Я ужасно хочу тебя, давай прямо сейчас вернемся в отель.

У Николь вырвался короткий сдавленный вздох. В первые секунды смысл этих слов не дошел до Розмари, но интонация была слишком красноречива. Эта глубокая чувственность дрожью отозвалась в ней самой.

– Хочу тебя.

– Я буду в отеле в четыре.

Голоса стали удаляться; Розмари стояла, затаив дыхание. Поначалу услышанное удивило ее – она видела, как легко и непринужденно они общаются на людях, и представляла себе их отношения более прохладными. Но потом ее захлестнула мощная волна неизведанного ранее чувства. Она еще не понимала, приятно оно ей или отвратительно, но точно знала, что глубоко потрясена. Возвращаясь в зал, она чувствовала себя очень одинокой и одновременно растроганной, страстное восклицание Николь «О, ты еще сомневаешься!» эхом отзывалось у нее в душе. Особое настроение сцены, свидетельницей которой она невольно стала, ей самой было еще неведомо, но каким бы далеким оно ни было, нутром она почувствовала, что в нем нет ничего дурного – она не испытала ни грана той брезгливости, какую испытывала на съемках, участвуя в любовных сценах.

Хотя к ней самой все это отношения не имело, она уже не могла не ощущать себя участницей событий и, делая покупки в магазинах вместе с Николь, вероятно, даже больше, чем та, думала о предстоящем свидании. Теперь она по-другому смотрела на Николь, оценивая ее привлекательность. Конечно же, та была самой привлекательной женщиной, какую когда-либо знала Розмари, – невзирая на ее твердость, некоторые привычки, склонности и какое-то еще неуловимое свойство характера, которое Розмари, поразмыслив над ним с материнской, буржуазной точки зрения, приписала отношению Николь к деньгам. Розмари тратила деньги, которые заработала сама, она и находилась-то здесь, в Европе, потому, что в тот январский день, простуженная, с высокой температурой, шесть раз ныряла в холодную воду, пока ее мать не положила этому конец.

С помощью Николь Розмари выбрала два платья, две шляпы, четыре пары туфель и сама за все заплатила. Николь делала покупки по длинному, двухстраничному списку, добавляя к нему кое-что из выставленного в витринах.

Приглядев что-нибудь, самой ей не нужное, она покупала это в подарок друзьям. Так были приобретены разноцветные бусы, надувные пляжные подушки, искусственные цветы, мед, раскладная кровать для гостей, сумки, шарфы, попугайчики-неразлучники, мебель для кукольного домика и три ярда какой-то новомодной ткани креветочного цвета. А еще дюжина купальных костюмов, резиновый крокодил, дорожные шахматы из слоновой кости с золотой инкрустацией, льняные носовые платки для Эйба и два замшевых жакета от Гермеса – цвета зимородкова крыла и цвета купины неопалимой. Она делала покупки отнюдь не как дорогая куртизанка, покупающая белье и драгоценности в качестве профессиональных аксессуаров и средства страховки, совсем по-другому. Николь являла собой продукт напряженного труда и изобретательности множества людей. Ради нее железнодорожные составы начинали свой путь в Чикаго и пересекали подбрюшье континента до Калифорнии; дымили трубы фабрик, производящих жевательную резинку, и приводные ремни заставляли все быстрее работать станки на заводах; ради нее рабочие замешивали в чанах зубную пасту и выпаривали зубной эликсир в медных цистернах, девушки-работницы в августе споро консервировали помидоры, а накануне Рождественского сочельника сбивались с ног в магазинах розничной торговли «Файв энд тенз», индейцы-полукровки изнывали от тяжкого труда на бразильских кофейных плантациях, а у витающих в облаках изобретателей силой отбирали патентные права на новые тракторы… Это были лишь немногие из тех, кто платил Николь свою десятину, и вся система в целом вертелась и грохотала, мчась вперед и отбрасывая на эти ее оптовые закупки лихорадочный отблеск, напоминающий вспышки пламени, отражающиеся в лице пожарного, который стоит на пути стремительно распространяющегося огня. Тая в себе собственную обреченность, Николь служила иллюстрацией очень простых истин, но иллюстрацией столь безупречной, что во всем этом было даже некое изящество, и с некоторых пор Розмари пыталась ей подражать.

Было уже почти четыре. Стоя посреди магазина с попугайчиком-неразлучником на плече, Николь, как это случалось с ней нечасто, пустилась в рассуждения:

– Что было бы, если бы вы в тот день не стали нырять в холодную воду? Я иногда задумываюсь над такими вещами. Как раз накануне войны, незадолго до того, как умерла моя мать, мы оказались в Берлине. Мне было тринадцать. Моя сестра собиралась на придворный бал, в ее бальной книжечке значились три принца крови – все это было устроено благодаря протекции некоего камергера. За полчаса до отъезда у нее поднялась температура и появилась боль в боку. Врач сказал, что это аппендицит и нужна операция. Но у мамы были свои планы, и Бейби поехала на бал и танцевала там до двух часов ночи с привязанным под

вечерним платьем пузырем льда. Ее прооперировали в семь утра.

Выходило, что жестким быть хорошо; все приятные люди относились к самим себе жестко. Но уже минуло четыре, и Розмари неотступно преследовал образ Дика, ждущего Николь в отеле. Она должна ехать, она не должна заставлять его ждать. «Почему вы не едете?» – мысленно вопрошала она, и вдруг ей в голову пришло: «Если не хотите, давайте я поеду». Но Николь зашла еще в один магазин, где купила корсажи для них обеих, а один послала Мэри Норт. Только после этого, похоже, она вспомнила, что ее ждут, и рассеянно сделала знак проезжавшему мимо такси.

– До свидания, – сказала она Розмари на прощание. – Мы очень мило провели время, правда?

– Чудесно, – ответила Розмари. В ней все бунтовало. Она и не предполагала, что ей будет так тяжело смотреть вслед отъезжавшей Николь.

XIII

Обогнув траверс, Дик двинулся дальше по дощатому настилу траншеи. Он подошел к перископу, посмотрел в него, потом поднялся на стрелковую ступень и выглянул из-за бруствера. Под тусклым небом перед ним простирался Бомон-Амель, слева трагическим напоминанием возвышалась гора Тьепваль. Дик разглядывал панораму через полевой бинокль, печаль стискивала горло.

Пройдя по траншее еще дальше, он нагнал остальных, ожидавших его у следующего траверса. Дик был взволнован, ему хотелось поговорить о том, что здесь произошло, заставить их понять, хотя в отличие от Эйба Норта сам он не участвовал в военных действиях.

– В то лето на каждом ярде этой земли полегло двадцать жизней, – сказал он Розмари.

Она послушно обвела взглядом почти голую зеленую равнину с низкими деревцами-шестилетками. Если бы Дик сказал, что сейчас идет артобстрел, она бы ему поверила. Ее любовь достигла того накала, когда она наконец начала чувствовать себя до отчаяния несчастной и не знала, что делать, ей хотелось

поговорить с матерью.

– Многие умерли уже после того, и мы скоро умрем, – утешил Эйб.

Розмари напряженно ждала продолжения рассказа Дика.

– Видите ту речушку – до нее две минуты ходу. Англичанам понадобился месяц, чтобы дойти до нее – целая империя медленно двигалась вперед, теряя солдат на передней линии и заменяя их теми, кто шел сзади. А другая империя так же медленно, на несколько дюймов за день, отступала, оставляя за собой погибших, – словно покрывала поле битвы окровавленным тряпьем. Никто из европейцев в нынешнем поколении не решится это повторить.

– Да ну? А как насчет Турции? Там только что перестали воевать, – напомнил Эйб. – И в Марокко…

– Это другое дело. А вот те события на западном фронте нельзя будет повторить еще очень долго. Молодежь думает, что она на это способна, но она ошибается. Первое Марнское сражение еще можно было бы выдержать снова, но то, что произошло здесь, – никогда. Для этого нужны были религия, годы процветания, непоколебимая вера и существовавшая тогда четкость классовых отношений. Русские и итальянцы на этом фронте были бесполезны. Здесь требовалось такое благородное душевное оснащение, которое уходит корнями в незапамятные времена. Нужно было хранить в памяти домашние рождественские праздники, открытки с изображением кронпринца и его невесты, маленькие кафе Валанса, пивные на Унтер-ден-Линден, бракосочетания в мэрии, поездки на дерби и дедушкины бакенбарды.

– Такую военную тактику генерал Грант изобрел еще в шестьдесят пятом году, при Питерсберге.

– Ничего подобного – Грант устроил просто массовую бойню. А битву такого рода придумали Льюис Кэрролл, Жюль Верн, тот немец, как там его, который написал «Ундину», деревенские священники – любители покатать шары, солдатские «крёстные» в Марселе и совращенные девушки из вюртембергских и вестфальских захолустий. В сущности, это ведь была любовная битва – последняя любовная битва; здесь покоится вековая любовь среднего класса.

– Еще немного – и вы припишете ее заслугу Д.Г. Лоуренсу, – сказал Эйб.

– Весь мой прекрасный, восхитительно безопасный мир взлетел здесь на воздух от великого взрыва легковоспламеняющейся любви, – скорбно настаивал Дик. – Вы согласны со мной, Розмари?

– Не знаю, – серьезно ответила она. – Это вы все знаете.

Снова двинулись в путь. Дик и Розмари шли, немного отстав. Вдруг на них градом посыпались комья земли со щебнем, и Эйб закричал от следующего траверса:

– В меня опять вселился дух войны! За мной – столетие огайской любви, и я намерен разнести эту траншею в клочья. – Его голова показалась над бруствером. – Вы что, правил не знаете? Вы убиты. Это была граната.

Розмари рассмеялась, а Дик поднял было с земли горсть камешков, чтобы нанести ответный удар, но, помешкав, высыпал их обратно.

– Не могу дурачиться в таком месте, – произнес он немного виновато. – Пусть серебряная цепочка порвалась, золотой сосуд разбит и как там дальше[11 - «…доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем». Книга Екклесиаста, 12:6.], но старый романтик вроде меня ничего не может с собой поделать.

– Я тоже романтик, – сказала Розмари.

Они выбрались из досконально реконструированной траншеи и оказались перед мемориалом солдатам королевского полка «Ньюфаундленд». Прочитав надпись, Розмари неожиданно разрыдалась. Как большинство женщин, она любила, чтобы ей говорили, что она должна чувствовать, и ей нравилось, когда Дик подсказывал ей, что смешно, а что печально. Но сейчас, когда она шла по полю былого сражения словно в тревожном сне, потому что любовь перевернула для нее все вокруг, больше всего ей хотелось, чтобы он понял, как она его любит.

Потом они сели в машину и поехали обратно в Амьен. Мелкий теплый дождь окроплял молодой низкорослый лес с подлеском и огромные «погребальные кострища», сложенные из пролежавших шесть лет в земле ошметков обмундирования, из ржавых бомб, гранат, артиллерийских гильз и остатков амуниции – касок, штыков, оружейных прикладов и полусгнивших кожаных ремней. И вдруг за поворотом открылось безбрежное море могил, покрытое бурунами белых надгробий. Дик попросил водителя остановиться.

– Вон та самая девушка… Кажется, она так и не нашла, куда возложить венок.

Выйдя из машины, он направился к девушке с венком, в нерешительности стоявшей у входа на кладбище. Ее ждало такси. Это была юная рыжеволосая американка из Теннесси, с которой они познакомились утром в поезде, она приехала из Ноксвилла, чтобы почтить память брата. По ее щекам текли слезы досады.

– В военном министерстве мне, должно быть, неправильно указали номер участка, – всхлипывая, сказала она. – Там написано совсем другое имя. Я брожу тут с двух часов, но могил так много.

– Знаете, я бы на вашем месте положил венок на любую могилу, не глядя на имя, – посоветовал Дик.

– Вы думаете?

– Я думаю, он хотел бы, чтобы вы поступили именно так.

Темнело, дождь усиливался.

Девушка оставила свой венок на ближней могиле у ворот и приняла приглашение Дика отпустить такси и вернуться в Амьен вместе с ними.

Розмари снова всплакнула, узнав о злоключениях девушки – такой уж «слезный» получился день, – однако она чувствовала, что чему-то он ее научил, хотя и не могла бы точно сказать, чему именно. Задним числом вся эта поездка представлялась ей беспечно приятной – как одно из тех вроде бы ничем не примечательных мгновений, которые кажутся только мостиком между

прошлыми и будущими радостями, но которые по зрелом размышлении и оказываются само?й радостью.

Амьен, город в лиловатых тонах, гулко отражавший звуки, так же как иные вокзалы – парижский Северный или лондонский Ватерлоо, – все еще нес на себе скорбную печать войны. Днем в таких городах с их маленькими, двадцатилетней давности трамвайчиками, пересекающими серую мощеную площадь перед собором, чувствуешь себя опустошенным, и даже сама погода, вылинявшая, словно старая фотография, кажется немного старомодной. Но с наступлением темноты на улицы выплескивается типичная для французских городов жизнь с ее маленькими водоворотиками – разбитными уличными девицами, мужчинами, в бесконечных спорах проводящими многие часы в кафе и пересыпающими речь бесконечными «voila», парочками, которые, прижавшись друг к другу, бредут без цели, благо такие прогулки ничего не стоят, – и тогда картина начинает обретать краски.

В ожидании поезда они сидели за столиком в большом зале со сводом, достаточно высоким, чтобы поглощать дым, людской гомон и музыку; оркестр любезно исполнил для них модную польку «Простите, а вот бананов у нас сегодня нет», и они дружно похлопали музыкантам, их руководитель казался очень довольным собой. Девушка из Теннесси, забыв о своих горестях, от души веселилась и даже начала флиртовать с Диком и Эйбом, одаривая их знойными взглядами и кокетливыми прикосновениями, а они добродушно подначивали ее.

Затем, предоставив уже неразличимо малым частицам останков вюртембергцев, прусских гвардейцев, альпийских стрелков, манчестерских ткачей и итонских выпускников уходить дальше в вечность, гния под теплым дождем, они сели в парижский поезд. В пути ели бутерброды с сырокопченой колбасой и сыром бель паэзе, приготовленные для них в вокзальном ресторане, и запивали их божоле. Николь казалась отрешенной; беспокойно покусывая губу, она вчитывалась в прихваченные Диком путеводители по местам сражений – конечно, он успел изучить основные события этой битвы, но упростил их до той степени, когда они стали слегка напоминать приемы в его собственном доме.

XIV

По прибытии в Париж Николь сказалась слишком усталой, чтобы, как договаривались, идти смотреть иллюминацию на Выставке декоративного

искусства. Они завезли ее в отель «Король Георг», и как только она исчезла между плоскостями света, лившегося из вестибюля и преломлявшегося в стеклянных дверных панелях, у Розмари словно гора с плеч свалилась. Николь обладала силой – причем не всегда направленной на благо и предсказуемой, как у матери, – зачастую ее поведение было невозможно предугадать. Розмари ее побаивалась.

В одиннадцать часов Розмари, Дик и Норты сидели в только что открывшемся кафе-поплавке на Сене. Река мерцала огнями мостов и баюкала на своей поверхности множество холодных лун. Когда Розмари с матерью жили в Париже, они нередко по воскресеньям садились на маленький прогулочный пароход, плыли на нем до Сюрена и обсуждали планы на будущее. Денег у них было немного, но миссис Спирс была так уверена в красоте дочери и внушила ей такое честолюбие, что без колебаний рискнула всем и «поставила на удачу»: встав на ноги, Розмари вернет затраты сторицей…

С тех пор как они приехали в Париж, Эйб Норт постоянно пребывал в состоянии хмельного возбуждения; от солнца и вина глаза у него покраснели. В тот вечер Розмари впервые обратила внимание на то, что он не пропускает ни одного питейного заведения; интересно, как к этому относится Мэри Норт, подумала она. Обычно, если не считать частых взрывов смеха, Мэри была невозмутима, настолько невозмутима, что Розмари мало что могла о ней сказать. Ей нравились прямые темные волосы Мэри, зачесанные назад и естественным каскадом рассыпа?вшиеся к плечам; время от времени косая прядь падала на висок; когда она начинала лезть в глаза, Мэри откидывала голову назад и прядь ложилась на место.

– Сегодня нам нужно вернуться домой пораньше, Эйб, это – последняя бутылка. – Голос Мэри звучал непринужденно, но в нем слышался легкий оттенок тревоги. – Ты же не хочешь, чтобы тебя доставили на корабль в жидком виде.

– Да, уже поздно, – согласился Дик. – Пора идти.

На исполненном благородного достоинства лице Эйба появилось упрямое выражение, он решительно заявил:

– Ну уж нет! – И после веской паузы добавил: – Нет-нет, еще рано. Мы закажем еще бутылку шампанского.

– Я – пас, – сказал Дик.

– А я имел в виду не вас, а Розмари. Она-то – настоящий алкоголик, всегда держит бутылку джина в ванной комнате про запас, мне ее матушка рассказывала.

Он вылил остатки шампанского из бутылки в бокал Розмари. В первый же день по приезде в Париж ей стало нехорошо от огромного количества выпитого лимонада, после этого она почти ничего не пила, но сейчас подняла бокал и сделала глоток.

– Что я вижу? – воскликнул Дик. – Вы же говорили, что не пьете.

– Но не говорила, что не собираюсь начать.

– А что скажет мама?

– Только один бокал. – Она вдруг почувствовала острую необходимость взбодрить себя. Дик выпил в тот вечер не слишком много, но выпил, и, наверное, ей казалось – выпей она тоже, это сблизит их и облегчит ей задачу сделать то, на что она уже решилась. Она залпом осушила полбокала, поперхнулась и сказала: – Кроме того, вчера у меня был день рождения, мне исполнилось восемнадцать.

– Почему же вы нам ничего не сказали?! – укоризненно запричитали все разом.

– А я знала, что вы устроите суету по этому поводу, и хотела избавить вас от лишних хлопот. – Она допила шампанское и, подняв бокал, добавила: – Будем считать, что это и было празднование.

– Ничего подобного мы считать не будем, – возразил Дик. – Завтра устроим праздничный ужин в вашу честь. И попробуйте только не прийти! Восемнадцать – это чрезвычайно важный возраст.

– В свое время я думала: все, что происходит с тобой до восемнадцати, не имеет никакого значения, – сказала Мэри.

– Это правильно, – согласился Эйб. – И все, что происходит после, – тоже.

– Для Эйба ничто не имеет значения, пока он не сядет на корабль, – сказала Мэри. – На сей раз он связывает с Нью-Йорком большие планы. – Она произнесла это так, словно давно устала повторять слова, потерявшие для нее всякий смысл, при том, что в действительности жизненные планы, которыми они с мужем руководствовались – или не руководствовались, – были не более чем благими намерениями. – Он будет писать музыку в Америке, а я – заниматься пением в Мюнхене, так что, когда мы воссоединимся, для нас не будет ничего невозможного.

– Это прекрасно, – согласилась Розмари, чувствуя, что шампанское уже немного ударило в голову.

– А пока – еще шампанского для Розмари! Это поможет ей осмыслить работу своих лимфатических желез. В восемнадцать они только начинают функционировать.

Дик снисходительно усмехнулся на реплику Эйба, которого любил, но в которого давно перестал верить, и заметил:

– С медицинской точки зрения это абсолютно неверно. Мы уходим.

Уловив покровительственную нотку в голосе Дика, Эйб весело сказал:

– Что-то мне подсказывает, что премьера моего нового музыкального спектакля состоится на Бродвее раньше, чем вы завершите свой научный труд.

– Очень надеюсь на это, – спокойно ответил Дик. – Очень надеюсь. Возможно, я даже и не буду завершать то, что вы называете моим «научным трудом».

– О, Дик! – испуганно воскликнула Мэри, она явно была шокирована.

Розмари ни разу не видела такого бесстрастно-непроницаемого выражения на лице Дика; она интуитивно догадалась, что в его заявлении было нечто существенно важное, и едва не воскликнула вслед за Мэри: «О, Дик!»

Однако Дайвер вдруг снова рассмеялся и продолжил, вставая из-за стола:

– …не буду завершать этот, а примусь за новый.

– Нет, Дик, погодите. Я хочу знать…

– Расскажу в другой раз. Спокойной ночи, Эйб. Спокойной ночи, Мэри.

– Спокойной ночи, милый Дик. – Мэри улыбнулась так, словно была совершенно счастлива и дальше сидеть в этом почти опустевшем плавучем ресторане. Она была мужественной, не терявшей надежды женщиной, следовавшей за мужем невесть куда, подстраивавшейся под него так и эдак, поскольку не могла заставить его ни на шаг свернуть с дороги, по которой он шел, и лишь иногда с унынием сознавала, насколько глубоко внутри него запрятана тайна того, куда он ее ведет. И тем не менее некая аура удачи витала вокруг нее, словно она была своего рода живым талисманом…

XV

– А что это за труд, который вы решили не заканчивать? – спросила Розмари, серьезно глядя Дику в глаза, когда они ехали в такси.

– Да так, ничего важного.

– Вы ученый?

– Я врач.

– Ух ты! – Она радостно улыбнулась. – Мой отец тоже был врачом. Но тогда почему вы не… – Она запнулась.

– Не беспокойтесь, здесь нет никакой тайны. Я ничем не запятнал свою профессиональную репутацию и не прячусь здесь, на Ривьере, от закона. Просто сейчас я не практикую. Кто знает, может, когда-нибудь начну снова.

Розмари молча приблизила к нему лицо для поцелуя. Секунду-другую он смотрел на нее в нарочитом недоумении. Затем, обняв одной рукой за плечи, потерся щекой о ее мягкую щеку и, отстранившись, еще раз посмотрел долгим взглядом.

– Какое очаровательное дитя, – серьезно сказал он.

Она улыбалась ему, машинально теребя лацканы его пиджака.

– Я влюблена в вас и в Николь. Вообще-то это мой секрет, я даже ни с кем не могу говорить о вас, потому что не хочу, чтобы кто-то еще знал, какой вы замечательный. Честно, я люблю вас и Николь… Да, люблю.

Сколько раз он слышал это, даже в тех же самых выражениях.

Вдруг она придвинулась к нему вплотную, и, оказавшись в фокусе его зрения, ее лицо утратило свою юность, как будто вовсе лишилось возраста; он поцеловал ее захватывающим дух поцелуем. Потом она откинулась на его руку, вздохнула и сказала:

– Я решила от вас отказаться.

Дик насторожился: не дал ли он ей ненароком повода считать, будто она хоть в малейшей степени имеет на него право?

– Это жестоко. – Он попытался все перевести в шутку. – Только во мне проснулся интерес, как…

– Я так любила вас… – Словно любовь длилась уже многие годы. Ее глаза налились слезами. – Я та-а-ак вас любила.

Ему бы следовало посмеяться, но, к собственному удивлению, он услышал, как произносит:

– Вы не только красивы, вы еще и на редкость естественны. Все, что вы делаете, притворяетесь ли, что влюблены, или изображаете робость, все у вас выходит убедительно.

В темной пещере автомобильного салона, где витал аромат духов, купленных Розмари по совету Николь, она снова прильнула к нему, и он поцеловал ее, ничего не испытывая. Он лишь ощущал смутное присутствие страсти, но не видел ни тени ее ни в глазах, ни на губах Розмари; ее дыхание чуть-чуть пахло шампанским. Она в отчаянии все теснее прижималась к нему, он еще раз поцеловал ее, расхоложенный невинностью ее губ и взглядом, в момент поцелуя устремленным в ночную темноту, во тьму Вселенной. Она еще не знала, что блаженство – это нечто, заключенное в сердце; вот когда она осознает это и растворится во вселенской страсти, он сможет взять ее без колебаний и сожалений.

Ее номер в отеле располагался по диагонали от их номера, ближе к лифту. Когда они подошли к двери, она вдруг сказала:

– Я знаю, что вы меня не любите… я этого и не жду. Но вы сказали, что мне следовало сообщить вам о моем дне рождения. Ну вот, теперь вы о нем знаете, и я хочу, чтобы в качестве подарка вы зашли ко мне на минуту – мне нужно вам кое-что сказать. Только на минуту.

Они вошли, он закрыл дверь, и Розмари встала перед ним, очень близко, но не касаясь его. В ночном сумраке ее лицо выглядело бесцветным – она была бледна, как белая гвоздика, оброненная кем-то на танцевальном паркете.

– Когда вы улыбаетесь… – он снова взял отечески-покровительственный тон, возможно, из-за незримого, но близкого присутствия Николь, – …мне всегда кажется, что я сейчас увижу дырочку на месте выпавшего молочного зуба.

Но было уже поздно – она прижалась к нему и жалобно прошептала:

– Возьмите меня.

– Взять вас? Куда?

От изумления он застыл в неподвижности.

– Ну, пожалуйста, – шептала она. – Умоляю вас, сделайте что положено. Не важно, если мне это не понравится, я этого никогда не ждала, мне всегда была

ненавистна сама мысль об этом, но сейчас все не так. Сейчас я хочу, чтобы вы это сделали.

Розмари и сама была потрясена – она даже представить себе не могла, что способна произнести такое. В сущности, она повторяла вычитанные из книг слова, за которыми скрывалось то, о чем она грезила, что видела в снах все десять лет, проведенные в монастырской школе. Вдруг ей пришло в голову, что сейчас она исполняет одну из своих самых значительных ролей, и она с новой страстью окунулась в нее.

– Это должно быть совершенно не так, – задумчиво произнес Дик. – Наверное, все дело в шампанском. Давайте по возможности забудем об этом.

– О нет! Сейчас. Я хочу, чтобы вы сделали это прямо сейчас. Возьмите меня, научите, я вся ваша и хочу быть вашей.

– А вы не подумали как минимум о том, какую боль это причинит Николь?

– Она ничего не узнает, к ней это не имеет никакого отношения.

– Во-вторых, – мягко продолжил он, – есть еще кое-что, о чем вы забыли: я люблю Николь.

– Но ведь можно любить не только одного человека, разве не так? Я люблю маму и люблю вас… даже больше. Теперь – вас больше.

– …И еще одно: сейчас вы вовсе не влюблены в меня, но что, если влюбитесь… после? Это могло бы сильно осложнить вашу жизнь в самом ее начале.

– Нет, обещаю, мы больше никогда не увидимся. Я вызову маму, и мы тотчас уедем в Америку.

Воспоминание о ее юной непосредственности и свежести ее губ было еще слишком живо, чтобы согласиться на подобную жертву. Дик сменил тон:

– Просто сейчас вы находитесь под воздействием настроения.

– О, прошу вас! Мне все равно, даже если случится ребенок. Съезжу в Мексику, как одна актриса с нашей студии. Это совершенно не похоже на то, что я себе представляла раньше, – мне всегда было противно, когда меня целовали всерьез. – Он понял, что она все еще надеется. – У некоторых были такие огромные зубы. Но вы – совсем другое дело, вы прекрасны. Я хочу, чтобы вы это сделали.

– Полагаю, вы думаете, что существуют особого рода поцелуи, и хотите, чтобы я именно так вас поцеловал?

– Ах, не надо меня дразнить, я не ребенок. Знаю, что вы в меня вовсе не влюблены. – Она вдруг сконфуженно запнулась. – На это я и не рассчитывала. Должно быть, я кажусь вам пустышкой.

– Вздор. Но вы кажетесь мне слишком юной, – сказал Дик и мысленно добавил: «Вас слишком многому надо было бы еще учить».

Розмари ждала, взволнованно дыша, и он закончил:

– В любом случае мы устроены так, что это не происходит по чужому желанию.

Разочарованная, она в замешательстве опустила голову, а Дик машинально произнес:

– Давайте просто… – и тут же осекся. Подведя к кровати, он усадил ее и сел рядом. Розмари плакала. Дик неожиданно смутился, но причиной тому были отнюдь не этические соображения – невозможность поступить иначе была совершенно очевидна, – просто смутился, и на миг его обычное обаяние, его гибкое умение в любых обстоятельствах сохранять несокрушимое душевное равновесие оставили его.

– Я знала, что вы не согласитесь, – всхлипнула Розмари. – Это просто была жалкая попытка.

Он встал.

– Доброй ночи, дитя мое. Мне очень жаль. Давайте вычеркнем это из памяти. – Словно лечащий врач больному, он добавил несколько пустых слов утешения на сон грядущий: – Вас многие еще будут любить, и когда вы полюбите сами, порадуетесь тому, что свою первую любовь встретили нетронутой, в том числе и эмоционально. Звучит немного старомодно, наверное?

Он сделал шаг к двери, а она подняла голову и посмотрела ему вслед, не имея ни малейшего представления о том, что творится у него в голове; словно в замедленной съемке, она видела, как он делает еще один шаг, оборачивается, глядит на нее; на миг ей захотелось вскочить, схватить, удержать его, прикоснуться к его губам, ушам, вороту пиджака, обвиться вокруг него, вобрать в себя, но его рука уже легла на дверную ручку. Розмари сдалась и откинулась на спину. Когда дверь закрылась, она встала, подошла к зеркалу и, все еще хлюпая носом, стала расчесывать волосы. Сто пятьдесят движений щеткой в одну сторону, потом еще сто пятьдесят – в другую, как положено. Когда одна рука затекла, она переложила щетку в другую и продолжила водить ею по волосам…

XVI

Она проснулась отрезвленная и пристыженная. Отражение собственной красоты в зеркале не придало ей уверенности, а лишь всколыхнуло вчерашнюю боль, не помогло и пересланное ей матерью письмо от молодого человека, чьей гостьей она была на прошлогоднем студенческом балу в Йеле, в котором он сообщал о своем приезде в Париж, – все это казалось сейчас бесконечно далеким. Она вышла из комнаты, предвидя неизбежную встречу с Дайверами как вдвойне тяжкое сегодня бремя. Однако никто не смог бы разглядеть ее состояния под защитной оболочкой, такой же непроницаемой, как у Николь, когда они совместно отправились за покупками. Тем не менее утешением для нее прозвучало замечание Николь, вскользь брошенное в адрес чрезмерно разнервничавшейся продавщицы: «Большинство людей думают, что все вокруг относятся к ним с гораздо большим интересом, чем есть на самом деле, – они считают, что поток чужих мнений о них, разделяясь, непременно проходит под одной из двух арок: либо одобрения, либо осуждения». Вероятно, еще вчера у Розмари с ее экспансивностью подобная реплика вызвала бы возмущение, но сегодня в стремлении умалить значение случившегося накануне она охотно согласилась с ней. Ее восхищали красота и мудрость Николь, и впервые в жизни она испытывала ревность. Накануне ее отъезда из отеля Госса мать небрежным тоном, в который, как хорошо знала Розмари, та упаковывала свои самые

значимые суждения, назвала Николь выдающейся красавицей, явно подразумевая, что дочь таковой не является. Это не задело Розмари, которой лишь недавно было позволено осознать собственную привлекательность, так что она казалась ей не совсем врожденной, а скорее благоприобретенной – как знание французского. Однако сейчас, сидя в такси, она украдкой поглядывала на Николь, сравнивая себя с ней. У Николь было все, что требуется для романтической любви, – красивая фигура, нежный рот, иногда плотно сжатый, иногда призывно полуоткрытый навстречу миру. Красавицей Николь была с детства, красавицей останется всегда, даже когда ее постаревшая кожа плотно обтянет высокие скулы, – совершенство строения лица никуда не исчезнет. Прежде, будучи белокожей блондинкой, она являла образец саксонской красоты, теперь, когда ее волосы потемнели по сравнению с обрамлявшим юное лицо восхитительным светлым облаком, стала еще красивей.

На улице Сен-Пэр Розмари вдруг указала на здание, мимо которого они проезжали.

– А здесь мы жили, – сказала она.

– Забавно. Когда мне было двенадцать лет, мы с мамой и Бейби провели одну зиму вон там. – Николь кивнула в сторону отеля, стоявшего напротив, на другой стороне улицы. Два закопченных фасада – два серых эха их детства – перекликаясь, смотрели друг на друга.

– Мы тогда только что построили дом в Лейк-Форесте и таким образом экономили, – продолжала Николь. – Во всяком случае, мы с Бейби и нашей гувернанткой экономили, а мама путешествовала.

– Нам тоже приходилось экономить, – сказала Розмари, догадываясь, что смысл в это слово они вкладывают разный.

– Мама всегда деликатно называла его «маленьким» отелем, чтобы не сказать прямо: «дешевый». – Николь коротко рассмеялась своим чарующим смехом. – Если кто-нибудь из шикарных знакомых интересовался нашим адресом, мы, вместо того чтобы признаться – «живем в хулиганском районе, в затрапезной дыре, где хорошо если вода течет из-под крана», отвечали: «Мы живем в маленьком отеле», давая понять, будто большие для нас слишком шумны и вульгарны. Разумеется, знакомые все прекрасно понимали и откровенно

судачили об этом между собой, но мама всегда утверждала, что в Европе так принято. И ей ли было не знать: она родилась в Германии, но ее мать была американкой, мама выросла в Чикаго и была в большей степени американкой, нежели европейкой.

Через две минуты им предстояло встретиться с остальными, и Розмари постаралась взять себя в руки, когда они выходили из такси на улице Гинеме, напротив Люксембургского сада. Они собрались на обед у Нортов в их уже опустевшей квартире, под окнами которой зеленели пышные кроны деревьев. Этот день показался Розмари совершенно не похожим на предыдущий: очутившись лицом к лицу, они с Диком лишь мимолетно задели друг друга взглядами, словно птицы крыльями на лету. Но после этого все стало прекрасно: она поняла, что он уже начинает влюбляться в нее, и теплая живительная волна радости растеклась по ее телу. Спокойная, ясная уверенность укрепилась и песней зазвучала внутри. Розмари почти не смотрела на Дика, но знала: теперь все хорошо.

После обеда Дайверы, Норты и Розмари отправились в студию «Франко-американ филмз», где к ним присоединился Коллис Клей, ее нью-хейвенский кавалер, о встрече с которым она договорилась по телефону заранее. Он был родом из Джорджии и отличался тем правильным, даже шаблонным складом ума, какой свойствен многим южанам, получившим образование на Севере. Минувшей зимой он казался ей привлекательным, тогда, в машине, которая везла их из Нью-Хейвена в Нью-Йорк, они всю дорогу держались за руки; теперь он для нее просто не существовал.

В просмотровом зале она села между Коллисом Клеем и Диком; пока киномеханик вставлял бобину в проектор, администратор суетился вокруг Розмари, щеголяя своим якобы новейшим американским сленгом. Когда пленку заело, он бросил механику: «Да, парень, бананов у тебя сегодня действительно нет». Потом свет погас, раздался щелчок, привычное шуршание пленки, и наконец они остались с Диком наедине. В полутьме они посмотрели друг на друга.

– Розмари, дорогая, – тихо пробормотал он. Они коснулись друг друга плечами. В конце ряда заерзала, устраиваясь поудобней, Николь, Эйб судорожно закашлялся и высморкал нос, потом все угомонились, фильм начался.

И вот на экране она, вчерашняя школьница с застывшими, как у греческой терракотовой статуэтки, волнами волос, струящихся по спине; она, такая юная и наивная, плод любовных материнских забот; она – само воплощение незрелости нации, новый кукольный стереотип для ее вожделеющего духа. Розмари припомнила, какой чистой и обновленной чувствовала себя тогда, под освежающим новеньким шелком этого платья.

Папина дочка. Храбрая кроха, которой пришлось несладко? Ооо-ооо-х ты моя милая малышка, сладкая моя пташка – не слишком ли сладкая? Перед ее крошечным кулачком откатывались вспять силы похоти и разврата; да что там, останавливалась сама поступь судьбы; миновало неминуемое, благоразумно отступали логика и диалектика. Забыв о ждущей дома грязной посуде, женщины в зале плакали навзрыд, да и в самой картине одна дама рыдала так много, что едва не затмила Розмари. Она лила слезы во всех декорациях, стоивших целое состояние, – в интерьере столовой, обставленной мебелью в стиле Дункана Файфа, в аэропорту, во время парусной регаты, из которой в фильм вошло всего два кадра, в метро и, наконец, в туалетной комнате. И все-таки победа осталась за Розмари. Сила ее характера, ее отвага и стойкость сокрушали пошлость этого мира, и на лице, еще не превратившемся в подобие маски, отчетливо прочитывалось, каких усилий стоила ей эта борьба, но в то же время лицо это было столь трогательным, что зрители время от времени не могли сдержать эмоций. Картина шла с одним перерывом; когда зажгли свет и стихли аплодисменты, Дик искренне произнес:

– Я просто потрясен. Вам предстоит быть одной из лучших актрис нашего времени.

Показ продолжился. Настали лучшие времена, но слащавая сцена состоявшегося наконец воссоединения Розмари с родителем была окутана таким явным флером отцовского комплекса, что ее порочная сентиментальность заставила Дика внутренне поежиться от лица всего племени психологов. Экран погас, зажегся свет – и вот долгожданная минута.

– Я устроила еще кое-что, – объявила Розмари. – Пробу для Дика.

– Что?!

– Кинопробу, прямо сейчас.

Наступила мертвая тишина. Потом кто-то из Нортов сдавленно хихикнул. Розмари наблюдала за Диком и по выражению его по-ирландски богатого мимикой лица видела, как до него доходит смысл сказанного ею; одновременно она начала понимать, что неудачно выложила козырь, хотя пока не догадывалась, что и сама карта не была козырной.

– Я не желаю участвовать ни в каких пробах, – произнес Дик сурово, но, оценив ситуацию в целом, добавил мягче: – Розмари, я в недоумении. Кино – отличная карьера для женщины, но – Боже милостивый! – я для съемок не гожусь. Я старый книжный червь, обитающий за глухой стеной частной жизни.

Николь и Мэри стали шутливо уговаривать его не упускать свой шанс; они подзуживали его, хотя были, похоже, немного разочарованы тем, что их в пробах участвовать не пригласили. Но Дик закрыл тему, переведя разговор на актеров, о которых высказался довольно саркастически.

– Самую зоркую стражу ставят у ворот, которые никуда не ведут, – сказал он. – Быть может, потому, что пустота слишком постыдна, чтобы выставлять ее напоказ.

Со студии Розмари, Дик и Коллис Клей возвращались в одном такси – они решили завезти Клея в гостиницу, после чего должны были отправиться на чаепитие, от которого Николь отказалась, так же как и Норты, сославшиеся на необходимость закончить какие-то дела, оставленные Эйбом напоследок.

– Я думала, – укоризненно сказала Розмари, – если проба окажется удачной, я смогу взять пленку с собой в Калифорнию, показать ее там, и тогда вы бы приехали ко мне и стали моим партнером в новом фильме.

Дик был ошеломлен.

– Мне это чертовски лестно, – ответил он, – но я предпочитаю смотреть на вас. Вы были в сегодняшнем фильме едва ли не самым прелестным персонажем, какой я видел в кино.

– Великолепная картина, – подхватил Коллис. – Я смотрел ее в четвертый раз и знаю одного парня в Нью-Хейвене, который видел ее раз десять, однажды ему даже пришлось поехать в Хартфорд, чтобы ее посмотреть. А когда я привез

Розмари в Нью-Хейвен, он так оробел, что не решился с ней познакомиться. Можете себе представить? Эта девчушка разит наповал.

Дик и Розмари переглянулись, им хотелось поскорее остаться наедине, но Коллис этого не понял.

– Давайте я высажу вас там, где вам нужно, а потом поеду к себе в «Лютецию», – предложил он.

– Нет уж, лучше мы вас завезем, – возразил Дик.

– Да мне это по дороге, никаких хлопот.

– Думаю, все же будет лучше, если мы вас завезем.

– Но… – начал было Коллис, но тут до него наконец дошло, и он принялся договариваться с Розмари о следующей встрече.

В конце концов они избавились от несущественного, но назойливого присутствия третьего лишнего. Машина неожиданно – и обидно скоро – остановилась перед указанным водителю местом назначения. Дик глубоко вздохнул.

– Ну что, пошли?

– Мне все равно, – ответила Розмари. – Я буду делать все, что вы скажете.

Он поразмыслил.

– Видимо, я все же должен пойти – хозяйка дома хочет купить несколько картин моего приятеля, а ему очень нужны деньги.

Розмари пригладила слегка растрепавшиеся волосы.

– Зайдем всего минут на пять, – решил Дик. – Не думаю, что эти люди вам понравятся.

Наверное, какие-нибудь скучные серые людишки, или грубияны и пьяницы, или надоедливые зануды, или еще кто-нибудь из тех, кого Дайверы обычно избегают, подумала Розмари, но к тому, что ей предстояло увидеть на самом деле, оказалась совершенно не готова.

XVII

Основой этого дома был каркас дворца кардинала де Ретца на улице Месье, однако, едва войдя, Розмари увидела, что внутри дома не осталось ничего не только от прошлого, но и от того настоящего, какое было ей знакомо. Внутри кирпичной кладки теперь заключалось скорее будущее; интерьер поражал, как электрический разряд, и было своего рода извращенным испытанием для нервов – вроде овсянки с гашишем на завтрак – переступить этот, с позволения сказать, порог и очутиться в длинном сизо-стальном зале, украшенном позолотой и серебром, а также мириадами зеркал, развешанных под всевозможными причудливыми углами. Эффект нельзя было сравнить ни с чем из представленного на Выставке декоративного искусства, потому что здесь люди находились внутри, а не перед инсталляцией. У Розмари возникло смутное ощущение фальши и экзальтации, словно она очутилась на сцене, и ей показалось, что все вокруг чувствуют то же самое.

В зале находилось человек тридцать, преимущественно женщины – все словно созданные по образу и подобию героинь Луизы М. Олкотт или мадам де Сегюр; и вели они себя на этой сцене с той осмотрительностью и педантичностью, с какой человеческая рука подбирает острые осколки разбитого стекла. Ни о ком-либо из гостей в отдельности, ни обо всех вместе нельзя было сказать, что они чувствуют себя по-хозяйски уверенно в этой обстановке, как законный владелец произведения искусства, каким бы эзотерическим оно ни было; никто, судя по всему, не понимал, какой смысл несет в себе эта обстановка, ибо она, будучи чем угодно, только не комнатой жилого дома, относилась к некой иной реальности; находиться в ней было так же трудно, как подниматься по крутому зеркально отполированному движущемуся пандусу, поэтому и требовалась осторожность, с какой рука собирает осколки, – она-то и определяла поведение большинства присутствовавших.

Они делились на два «класса». Американцы и англичане, которые всю весну и все лето предавались разгулу, из-за чего теперь любое их действие несло на себе явный отпечаток неуравновешенности. Они могли часами пребывать в

состоянии летаргического полузабытья, а потом вдруг взорваться немотивированной ссорой, истерикой или поддаться какому-нибудь неожиданному соблазну. Другой класс, который можно было бы назвать эксплуататорским, паразитирующим, состоял из людей трезвых и серьезных, имеющих цель в жизни и не расположенных растрачивать время на глупости. Эти в здешнем интерьере держались более уверенно, и если позволительно было говорить о какой-то атмосфере помимо той, что определялась экстравагантным новаторством освещения этой квартиры, то создавали ее именно они.

Это франкенштейново чудовище моментально заглотало Дика и Розмари, развело их в разные стороны, и Розмари, вдруг услышав собственный неестественно высокий голос, почувствовала себя маленькой лицедейкой. Ей нестерпимо захотелось, чтобы появился режиссер. Впрочем, все вокруг так суетливо и притворно хлопали крыльями, что она не казалась себе неуместней других. Кроме прочего, помогла профессиональная выучка, и после серии полувоенных маневров – кругом, налево, направо, шагом марш – она очутилась в обществе симпатичной стройной девушки, лицом напоминавшей миловидного мальчика, хотя на самом деле ее внимание было приковано к разговору, происходившему на лестничной конструкции из артиллерийского металла, располагавшейся неподалеку от них.

Там сидела троица молодых женщин. Все они были высокими, стройными, с прическами как у манекенов, и эти манекенные головки грациозно покачивались над туловищами, облаченными в сшитые на заказ костюмы, напоминая то ли цветы на длинных стеблях, то ли капюшоны кобр.

– О, они устраивают отличные представления на своих приемах, – говорила одна из них грудным голосом. – Быть может, лучшие в Париже, я буду последней, кто станет это отрицать. Но в то же время… – Она вздохнула. – Эти его фразочки вроде «изъеденные мышами старожилы»… Один раз это смешно, второй – уже нет.

– Я вообще предпочитаю людей, чья жизнь не выглядит такой безупречно гладкой, – подхватила вторая. – А ее я и вовсе не люблю.

– А у меня ни они, ни их окружение никогда не вызывали восторга. Взять хоть этого вечно налитого до краев мистера Норта.

– О нем и речи нет, – сказала первая. – Но признайте, что особа, о которой мы говорим, умеет показать себя самым очаровательным существом на свете.

Только тут Розмари догадалась, что речь идет о Дайверах, и напряглась от негодования. Однако ее собеседница, ни дать ни взять рекламная модель – блестящие синие глаза, румяные щеки, темно-серый костюм с накрахмаленной голубой блузкой, – удвоила усилия, чтобы удержать внимание Розмари. Она отчаянно старалась отмести в сторону все, что их разделяло, чтобы Розмари разглядела ее во всей красе, но когда между ними осталась лишь легкая зыбкая вуаль шутливости, в которую рядилась девушка, у Розмари то, что она увидела, вызвало неприязнь.

– Давайте пообедаем или поужинаем вместе завтра или послезавтра, – наседала девица.

Розмари огляделась в поисках Дика и заметила его в обществе хозяйки, с которой он что-то обсуждал с самого момента их прихода. Их глаза встретились, он слегка кивнул, и три кобры моментально засекли это; их длинные шеи вытянулись в ее сторону, и дамы уставились на нее откровенно неодобрительно. Она ответила им дерзким взглядом, давая понять, что слышала, о чем они говорили, после чего отделалась от своей назойливой визави, попрощавшись с ней вежливо, но сдержанно – этому она научилась у Дика, – и направилась к нему. Хозяйка – еще одна высокая богатая американка, беззаботно жирующая на национальном процветании, – засыпа?ла Дика вопросами об отеле Госса, куда, судя по всему, собиралась отправиться, и упорно не желала замечать отсутствия у собеседника расположенности к разговору. Присутствие Розмари напомнило ей об обязанностях хозяйки, и, окинув гостью взглядом, она спросила:

– Познакомились ли вы с кем-нибудь занятным, например, с мистером… – Ее глаза заметались в поисках кого-нибудь, кто с ее точки зрения мог представлять интерес для Розмари, но Дик сказал, что им пора идти, и они тотчас ушли, переступив узкий порог будущего в обратном направлении и вмиг оказавшись перед каменным фасадом прошлого.

– Ну как, это было ужасно? – спросил Дик.

– Ужасно, – послушным эхом отозвалась она.

– Розмари?

– Что? – пробормотала она испуганным голосом.

– Я очень сожалею.

Она содрогнулась от горестных рыданий и сквозь всхлипы, запинаясь, спросила:

– У вас есть носовой платок?

Однако плакать было некогда, и влюбленные, очутившись в такси, жадно припали друг к другу, не теряя быстротекущих минут, пока за окнами увядали молочно-зеленоватые сумерки и сквозь пелену тихо моросившего дождя разгорались огненно-красные, неоново-голубые и призрачно-зеленые огни вывесок. Было около шести вечера, на улицах царило оживление, из окон многочисленных бистро лился свет; когда они поворачивали на север, мимо проплыла площадь Согласия во всем своем розовом великолепии.

Наконец, оторвавшись друг от друга, они впились друг в друга взглядами, шепча имена как заклинания. Два имени витали в воздухе, замирая медленней, чем другие слова, другие имена, чем музыка, звучавшая в душе.

– Не знаю, что на меня вчера нашло, – сказала Розмари. – Наверное, это из-за бокала шампанского. Я никогда прежде ничего подобного себе не позволяла.

– Вы просто сказали, что любите меня.

– Я и вправду вас люблю – с этим ничего не поделать. – Тут пришел момент поплакать, и Розмари всплакнула, уткнувшись в носовой платок.

– Боюсь, я тоже влюбился, – сказал Дик. – И это не самое лучшее, что могло произойти.

И снова в воздух воспарили их имена, и словно бы от толчка машины их снова бросило друг другу в объятия. Ее грудь распласталась, прижатая к его груди, и губы, слившись с его губами, ощутили новую, ранее неведомую теплоту. С почти болезненным облегчением они, обо всем забыв, перестали видеть что бы то ни

было вокруг – лишь искали друг друга, бурно дыша. Их обволокла ласковая серая пелена легкого похмелья усталости, когда нервы, ослабев подобно фортепьянным струнам после взятого аккорда, еще вибрируют и поскрипывают, как плетеное кресло. Нервы, такие нежные и обнаженные, неизбежно смыкаются, когда смыкаются губы и грудь прижимается к груди…

Они пребывали в той счастливой поре любви, когда влюбленные преисполнены прекрасных, головокружительных иллюзий друг о друге, когда единение происходит на такой высоте, где любые другие человеческие отношения не имеют никакого значения и кажется, будто они вознеслись на эту высоту в исключительном целомудрии, будто вместе их свела лишь цепь чистых случайностей, но случайностей этих столько, что в конце концов невозможно не признать: они предназначены друг другу и пришли с чистым сердцем по пути, коим не ходят праздно любопытствующие и таящие секреты.

Однако для Дика этот отрезок пути был коротким; поворот открылся прежде, чем они достигли отеля.

– У нас ничего не получится, – сказал он с нарастающим чувством паники. – Я в вас влюблен, но это не меняет того, что я сказал вчера вечером.

– Теперь это не имеет значения, – ответила она. – Мне просто нужно было, чтобы вы меня полюбили, и если вы меня любите, то все хорошо.

– К несчастью, люблю. Но Николь ничего не должна узнать и даже смутно заподозрить. Мы с ней и дальше должны жить вместе. В каком-то смысле это даже важнее, чем просто хотеть жить дальше.

– Поцелуйте меня еще раз.

Он поцеловал, но был уже далеко.

– Николь не должна страдать, она любит меня, и я люблю ее. Вы ведь понимаете.

Она понимала – такие вещи она понимала отлично: людям нельзя причинять боль. Она знала, что Дайверы любят друг друга, и с самого начала принимала это как данность. Однако почему-то ей казалось, что отношения между ними

довольно спокойные, скорее напоминающие ее любовь к матери. Когда люди так щедро отдают себя окружающим, не значит ли это, что они недостаточно близки между собой?

– И это настоящая любовь, – сказал Дик, словно прочитав ее мысли. – Деятельная любовь. Едва ли я смогу вам это объяснить – слишком сложно. Из-за нее и случилась та дурацкая дуэль.

– Откуда вы знаете о дуэли? Мне казалось, мы надежно хранили от вас этот секрет.

– Вы полагаете, Эйб способен хранить секреты? – с язвительной иронией спросил он. – Безопасней объявить о своей тайне по радио или написать в таблоиде, чем доверить ее человеку, выпивающему больше трех-четырех стаканов в день.

Не отрываясь от него, она согласно рассмеялась.

– У меня сложные отношения с Николь. Она не очень сильный человек – кажется сильной, но это не так. И это создает массу трудностей.

– О, давайте не будем об этом сейчас! Сейчас – просто целуйте меня, любите меня. А о том, что я вас люблю, я никогда не позволю Николь догадаться.

– Милая моя.

Когда они подошли к отелю, Розмари, немного отстав, с обожанием любовалась им. Он шел легкой энергичной походкой, словно, завершив одни великие деяния, спешил перейти к другим. Вдохновитель дружеских веселий, попечитель изощренных удовольствий. Его шляпа была шедевром шляпного искусства, в одной руке тяжелая трость, в другой – желтые перчатки. Розмари думала о том, как восхитительно все они проведут нынешний вечер благодаря ему.

Наверх они поднимались пешком – пять лестничных пролетов. На первой площадке остановились и поцеловались; на каждой следующей Розмари делалась все более настороженной. Не дойдя до двух последних, она задержалась в последний раз для короткого прощального поцелуя. Однако, уступив его настойчивости, снова спустилась с ним на один пролет, после чего

они уже без остановок поднялись на свой этаж. Здесь, протянув руки поверх перил, они коснулись друг друга кончиками пальцев и наконец расстались. Дик пошел обратно вниз, чтобы сделать какие-то распоряжения на вечер, а Розмари побежала к себе писать письмо матери; ее мучили угрызения совести, потому что она совсем не скучала по родительнице.

XVIII

Хотя в глубине души Дайверы были равнодушны к модным веяниям светской жизни, острое чутье не позволяло им отвергать ее современный ритм – устраивавшиеся Диком приемы всегда изобиловали развлечениями, и тем ценнее казалась возможность вдохнуть глоток свежего вечернего воздуха в перерывах между ними.

В тот раз вечеринка развивалась со стремительностью комедийного фарса. Сначала их было двенадцать человек, потом стало шестнадцать, потом они, разделившись на квартеты, расселись по машинам, чтобы совершить молниеносную одиссею по Парижу. Все было предусмотрено заранее. На разных этапах пути к ним, словно по волшебству, присоединялись некие знатоки, почти профессиональные гиды, потом их сменяли другие, так что свежесть впечатлений, казалось, была обеспечена на весь вечер. Розмари оценила, насколько это отличалось от любого голливудского сборища, независимо от его статуса и размаха. Одним из многочисленных развлечений стала прогулка в авто персидского шаха. Где, каким подкупом удалось Дику раздобыть это средство передвижения, никого не интересовало. Розмари восприняла это просто как еще одну грань волшебства, вот уже два года осенявшего ее жизнь. Автомобиль был построен в Америке и имел особое шасси. Диски колес у него были серебряными, радиатор тоже. Интерьер украшали бесчисленные фальшивые бриллианты, которые придворному ювелиру предстояло заменить на настоящие через неделю, по доставке машины в Тегеран. В задней части салона имелось только одно кресло – кто же имеет право сидеть в присутствии шаха? – его все занимали по очереди, остальные ехали, устроившись на полу, покрытом куньим мехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перевод А. Грибанова. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Bonne (фр.) – добрый, хороший; ass (англ.) – ослица.

3

Oyster (англ.) – устрица.

4

Flesh (англ.) – тело, плоть.

5

В этом лунном сиянии, О, друг мой Пьеро,

Свое перышко дай мне

Написать письмецо.

Уж свеча догорает.

Нет больше огня.

Отвори ж, Бога ради,

Приюти ты меня.

(фр.)

6

«Plagued by the Nightingale» (англ.) – роман американской писательницы Кей Бойл (Kay Boyle), вышедший в 1931 г.

7

Неточность автора. Подобная дуэль описана в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

8

Простите, господа. Нам нужно уладить вопрос с моим гонораром. Разумеется, только за медицинские услуги. У месье Барбана только тысячная банкнота, поэтому он не может расплатиться, а тот, другой господин, забыл дома бумажник (фр.).

9

Сколько? (фр.)

10

Удар милосердия (фр.).

11

«…доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем».
Книга Екклесиаста, 12:6.

Купить: https://tellnovel.com/ru/frensis-ficdzherald/noch-nezhna-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить